

Ведический центр om-aditya

Татьяна
Земская
om-aditya.ru

АСТРОЛОГ:
консультации
обучение
МИСТИК
АВТОР

Астрология

Аюрведа

Вебинары

Консультации

Веды

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях

Мы желаем Вам процветания, и радости!
Улучшайте качество жизни и сознания,
вместе с Ведическим Центром Ом-Адитья.

БЕРНАР ВЕРБЕР

Я думал, что у ангелов крылья над головой
и крылышки на спине...

Империя ангелов

РИПОЛ КЛАССИК

Бернар Вербер
Империя ангелов
Серия «Танатонавты», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128965
Империя ангелов: Гелеос, РИПОЛ классик; Москва; 2008
ISBN 5-8189-0611-6, 978-5-7905-4424-8

Аннотация

Писатель Мишель Пэнсон попадает в рай. Там его ждет «страшный суд», который ведут три архангела. От самого страшного испытания – реинкарнации – Мишеля спасает ангел-хранитель Эмиль Золя. Теперь писателю открыта дорога в мир ангелов...

Содержание

1. За кулисами рая	5
1. Я умираю	5
2. Большой прыжок	8
3. Приговор отменяется	14
4. Ангел	17
5. Энциклопедия	19
6. Эдмонд Уэллс	20
7. Страна ангелов	21
8. Энциклопедия	24
9. Три зачатия: до рождения – 9 месяцев	25
10. Энциклопедия	27
11. Неожиданная встреча	28
12. Выбор душ. 2 месяца до рождения	30
13. Энциклопедия	32
14. Зародыш Жака. 2 месяца до рождения	33
15. Зародыш Венеры. 2 месяца до рождения	34
16. Зародыш Игоря. 2 месяца до рождения	35
17. Энциклопедия	36
18. Идеи Рауля	37
19. Зародыш Жака. 1 месяц до рождения	38
20. Зародыш Венеры. 1 месяц до рождения	39
21. Зародыш Игоря. 1 месяц до рождения	40
22. Загадка «седьмых»	41
23. Энциклопедия	43
24. Полет на землю	44
25. Рождение Жака	45
26. Рождение Венеры	47
27. Рождение Игоря	48
28. Энциклопедия	50
29. Управление клиентами	51
30. Жак. 1 год	53
31. Венера. 1 год	54
32. Игорь. 1 год	55
33. Энциклопедия	56
34. Верхний мир	57
35. Ребенок Жак. 2 года	59
36. Ребенок Венера. 2 года	61
37. Ребенок Игорь. 2 года	62
38. Изумрудная дверь	63
39. Энциклопедия	65
40. Игорь. 5 лет	66
41. Венера. 5 лет	67
42. Жак. 5 лет	68
43. Четыре сферы судеб	69
44. Энциклопедия	71
45. Добрые и злые	72

46. Энциклопедия	74
47. Игорь. 7 лет	75
48. Венера. 7 лет	77
49. Жак. 7 лет	78
50. Желания	79
51. Энциклопедия	80
52. Жак. 7 лет	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Бернард Вербер

Империя ангелов

Посвящается Веронике

1. За кулисами рая

*Тремя путями мудрости являются: юмор, парадокс, изменение.
Дэн Миллман, чемпион мира по прыжкам с трамплина*

1. Я умираю

Все когда-нибудь умирают.

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

И вот я умираю.

Это произошло быстро и мощно.

Вдруг. Раздался ужасный шум. Я обернулся. Я увидел носовую часть «Боинга-747» (вероятно, сбившегося с курса из-за забастовки диспетчеров), которая влетала прямо в мое окно, крушила стены, пересекала комнату, ломая мебель и разбрасывая книги, неумолимо приближалась ко мне.

Даже если ты авантюрист, исследователь, открыватель новых миров, все равно однажды ты столкнешься с проблемой, которая выше твоих сил. Во всяком случае, самолет, который рушит мою квартиру, – это выше моих сил.

Все происходит как в замедленной съемке. Вокруг меня все рушится со страшным шумом, вздымаются клубы пыли, через нее я вдруг вижу лица пилотов. Один высокий и худой, другой маленький и лысый. Они, наверное, впервые в жизни доставляют пассажиров прямо до дома. Лицо худого искажено от ужаса, а лысый просто дергается в панике. Из-за шума я их, конечно, не слышу, но тот, у кого открыт рот, должно быть, громко кричит.

Я пячусь назад, но «Боинг-747» на полном ходу так просто не останавливается. В отчаянии я закрываю лицо руками, оно искажается в жалобной гримасе, я зажмуриваюсь. В этот момент я еще надеялся, что все это просто кошмарный сон.

Я подождал. Совсем недолго. Наверное, десятую часть секунды, но она показалась мне очень длинной. Потом был удар. Меня отшвырнуло назад, затем прижало к стене и разорвало на куски. Наконец стало тихо и темно. Такие вещи всегда удивляют. Не только ошибки диспетчеров, но и собственная кончина.

Я не хочу умирать сегодня. Я еще слишком молодой.

Изображения нет, звука нет, чувств нет. Тсс... Плохие признаки. В нервной системе еще осталось немного сока. Мое тело, возможно, еще можно собрать. Если повезет, если пожарные приедут быстро, то заставят сердце биться, поправят сломанные конечности. Я буду долго лежать на больничной койке, а потом постепенно все станет, как и было раньше. Все знакомые скажут: это просто чудо, что мне удалось выкарабкаться.

Ну вот я слышу звуки сирен. Они приедут. Но что происходит? Я здесь. Наверное, сейчас везде пробки.

Я знаю, что нужно держаться. Смерть – это уж слишком. Нужно заставлять мозг работать. Нужно думать. Но о чем?

А вот, например, о песенке моего детства.

Был маленький кораблик,
Был маленький кораблик,
Он никогда не плавал,
Он никогда не плавал...

Какие там дальше слова?

Черт, память тоже объявляет забастовку. Библиотека закрывается.

Мой мозг остановился, я это чувствую, но я... я продолжаю думать. Декарт был не прав. Можно больше «не быть», но еще «мыслить». А я не просто думаю, я прекрасно осознаю все, что происходит. Абсолютно все. У меня никогда еще не было такого ясного сознания.

Я чувствую, что должно произойти что-то важное. Я жду. Вот оно. У меня такое впечатление, как будто что-то... выходит из меня! Что-то наподобие облачка пара. Пар принимает форму моего тела. Это прозрачная копия меня!

Так вот это и есть моя душа? Этот «другой полупрозрачный я» медленно выходит из моего тела через темечко. Мне страшно, и в то же время я чувствую возбуждение. Потом все опрокидывается.

«Другой я» смотрит на мое бывшее тело. Оно разлетелось на мелкие кусочки. Что ж, нужно признать, что если только не найдется хирурга – любителя складывать головоломки, то его восстановить невозможно.

Боже мой, какое удивительное ощущение! Я лечу. Я поднимаюсь все выше и выше.

Серебристая нить еще связывает меня с моими останками, как пуповина. Я продолжаю полет, и нить исчезает.

Был маленький кораблик,
Он никогда не плавал.

Маленький кораблик – это я. Мое тело колышется. Я лечу. Я удаляюсь от своего бывшего «я». Теперь я вижу «Боинг» получше. Самолет весь искорежен. Я вижу то, что осталось от моего бывшего дома. Это напоминает рухнувший картонный домик, этажи сложились один на другой.

Я лечу над крышами. Я парю в небе.

Но что я здесь делаю?

«Я профессор кафедры антропологии в Париже, и мне кажется, что я могу ответить на ваш вопрос. Можно сказать, что человеческая цивилизация появилась тогда, когда некоторые приматы перестали выбрасывать погибших собратьев на помойку, а стали украшать их ракушками и цветами. Первые украшенные захоронения были обнаружены вблизи Мертвого моря. Их возраст от 14 000 до 120 000 лет. Это означает, что в те далекие времена за смертью следовал некий «магический» феномен. Нужно отметить, что одновременно появилось нефигуративное искусство, пытающееся выразить эту «магию».

Позднее в первых фантастических произведениях их авторы пытались представить то, что будет после смерти. Возможно, впрочем, лишь для того, чтобы успокоить самих себя».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

Что-то влечет меня вверх. Яркий свет. Теперь я наконец узнаю. Что есть после жизни? Что находится над видимым миром?

Полет над городом.

Полет над планетой.

Я выхожу за пределы Земли. Серебристая ниточка еще немного вытягивается, и наконец исчезает.

Теперь обратной дороги нет. Кончилась моя жизнь в обличье Мишеля Пэнсона, очаровательного господина, который, впрочем, был не прав в том, что умер.

В тот момент, когда я покидаю «жизнь», я понимаю, что всегда считал смерть чем-то, что происходит только с другими. Легенда. Во всяком случае, испытание, от которого меня можно было бы избавить.

Все когда-нибудь умирают. Со мной это произошло сегодня.

«Я думаю, что после жизни ничего нет. Ничего-ничего. Я думаю, что бессмертия мы достигаем, деля детей, а они сделают других детей и так дальше... Это они передают в будущее наш маленький огонек».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

2. Большой прыжок

Я знаю, что у меня больше нет выбора. Земля превратилась в маленькую пылинку где-то вдали. Фрагменты того, что было когда-то моим телом, только что нашли пожарные.

Удивительно, но мне кажется, что я слышу их голоса: «Какая катастрофа! Не каждый день самолеты врезаются в дом. Как отыскать тела погибших в этой мешанине из бетона?»

Теперь это уже не моя проблема.

Фантастический свет притягивает меня. Я направляюсь к центру нашей галактики. Наконец я его вижу. Континент мертвых – это черная дыра в центре Млечного Пути.

Она похожа на сливное отверстие в унитазе, на водоворот, вокруг которого все вращается по спирали. Я приближаюсь. Это напоминает трепещущий цветок, гигантскую орхидею из кружащейся световой пыли.

Черная дыра всасывает все: солнечные системы, звезды, планеты, метеориты. И меня она увлекает тоже.

Я вспоминаю карты континента мертвых. Семь небес. Я нахожусь на Первом небе. Это коническое пространство синего цвета. Попадают туда через звездную пену.

«Каждый год на Земле рождаются миллионы людей. Они превращают тонны мяса, фруктов и овощей в тонны экскрементов. Они движутся, размножаются, а потом умирают. В этом нет ничего необычного, но именно здесь и заключается смысл нашей жизни: Родиться. Есть. Двигаться. Размножаться. Сдохнуть.

В промежутке создается впечатление собственной важности, потому что мы с помощью рта издаем звуки, шевелим руками и ногами. Но вот что я скажу: мы мало что значим и мы вынуждены стать гнилью, а потом пылью».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

На пороге континента мертвых я вижу других существ. Рядом со мной парят другие мертвые, и все, как ночные бабочки, летят на свет.

Жертвы автомобильных катастроф. Приговоренные к смертной казни. Замученные пленники. Неизлечимые больные. Неудачливый прохожий, которому на голову упал цветочный горшок. Необразованный любитель загородных прогулок, который перепутал гадюку с ужом. Доморощенный мастер на все руки, поцарапавшийся ржавым гвоздем и не сделавший прививку от столбняка.

Некоторые прямо-таки искали проблем. Пилоты-любители полетать в тумане, не пользуясь навигационными приборами. Горнолыжники, не заметившие пропасть. Парашютисты, превратившиеся в летящий факел. Недостаточно внимательные дрессировщики диких хищников. Мотоциклисты, думавшие, что успеют обогнать грузовик.

Вот умершие сегодня, я приветствую их.

Невдалеке я узнаю знакомые силуэты. Роза, моя жена! Амандин, моя бывшая любовница!

Я начинаю вспоминать.

Они были в соседней комнате, когда самолет упал на наш дом в Бютт-Шомоне. И с ними я испытал великое приключение «танатонавтов».

«Танатонавты» происходит от «танатос», что значит «смерть», и «навтос» – навигатор.

Этот термин придумал мой друг Рауль Разорбак. Как только появилось слово, появилась и наука. А как только появилась наука, появились и первооткрыватели. Мы построили танатодромы, мы положили начало танатонавигаторству.

Нашей целью было отодвинуть существующую после смерти «терра инкогнита». И мы ее достигли. Мы приподняли занавес над последней великой тайной, тайной смысла смерти. Все религии говорят о ней, все мифологии описывают ее более или менее точными метафорами. Мы стали первыми, кто заговорил о ней как об открытии нормального «континента».

Мы боялись, что не сможем завершить начатое. И то, что «Боинг-747» вроде бы случайно упал на наш дом, доказывает, что мы в конце концов побеспокоили кого-то «наверху».

И вот теперь я вижу то, что мы открыли... но более ясно. Поскольку наши ниточки уже оборвались, я прекрасно понимаю, что на этот раз возвращение назад невозможно. Мы погружаемся в конус водоворота, который становится все уже. Мы пересекаем эту первую территорию до конца и достигаем стены, которая напоминает студенистую матовую массу. Как МАХ-1 был первым звуковым барьером, так мы с друзьями назвали МОК-1 первым барьером смерти. Сегодня мы вместе преодолеваем его.

Я немного колеблюсь. Другие смело движутся вперед. Тем хуже. Я следую за ними. Мы попадаем через стену...

«Скандал. Это скандал. Я работаю медсестрой в хосписе для неизлечимо больных. Поскольку я часто вижу агонизирующих людей, я составила свое мнение об этом. И я думаю, что все это просто чудовищно. Я думаю, что люди делают вид, будто смерти не существует. Дети видят однажды «скорую помощь», увозящую дедушку в больницу. Потом они его не видят несколько недель. Однажды по телефону сообщают, что он умер. В результате подрастающие поколения не представляют себе, что такое смерть. И когда эти дети становятся взрослыми, а потом стариками и сталкиваются с собственной смертью, их охватывает паника. Не только потому, что речь идет об их исчезновении, но и потому, что они стоят перед полной неизвестностью. Я бы дала такой совет детям: не бойтесь, навещайте ваших дедушек и бабушек в больнице! Вы получите там самый большой урок... жизни».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

...на Второе небо. Это черная территория всех страхов.

Они материализуются в форме ужасов, вышедших из моего подсознания. Непроглядный мрак. Мурашки по коже. Меня встречают насмешливые монстры и современные черти.

Повсюду я сталкиваюсь с самыми страшными кошмарами. Но луч света по-прежнему здесь, и он ведет меня прямо вперед.

Я встречаю все мои страхи лицом к лицу, в полумраке. Потом я приближаюсь к двери, похожей на матовую мембрану. МОК-2. Я прохожу в нее и оказываюсь в...

«Я вдова, и я была с моим мужем до самой его кончины. Это произошло в пять фаз. Сперва он отказывался умирать. Он требовал, чтобы все продолжалось как раньше, и говорил о своем возвращении домой после того, как поправится. Потом, когда врачи сказали ему, что надежды нет, он впал в бешенство. Ему нужно было найти виновного. Он обвинял своего врача в некомпетентности. Он обвинял меня в том, что я положила его в плохую больницу. Он говорил, что я хочу его смерти, чтобы как можно скорее получить наследство. Он упрекал всех в том, что его забыли и не навещают. Он стал таким неприятным, что даже дети не хотели общаться с ним. Потом он успокоился, и началась третья стадия, которую можно назвать «стадией торговца». Как будто он торговался: хорошо, я умру, но я хочу продержаться до моего дня рождения. А еще лучше,

до чемпионата мира по футболу. Я хочу посмотреть полуфинал. Или, по крайней мере, четвертьфинал.

Когда он понял, что все бесполезно, у него началась депрессия. Это было ужасно. Он не хотел говорить, не хотел есть. Как будто он вдруг от всего отказался. Он перестал бороться, потерял всю энергию. Он был похож на опустившего руки боксера, который ждет последнего удара.

Наконец, началась пятая стадия. Он согласился. У него вновь появилась улыбка. Он попросил магнитофон, чтобы слушать любимую музыку. Он особенно любил «Дорз», это напоминало ему его молодость. Он умер с улыбкой, в наушниках, слушая «Here is the end».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

...красном мире моих фантазмов, следующим за синим миром и черным миром страха. Здесь материализуются все мои самые сумасшедшие желания.

Я нахожусь на Третьем небе. Ощущение удовольствия, огня, влажной жары. Сладострастие. Я встречаю свои самые экстравагантные сексуальные фантазмы, самые скрытые желания. Я немного задерживаюсь здесь. В сознании возникают особенно возбуждающие сцены. Самые сексуальные актрисы и фотомодели зовут меня в свои объятия.

Моя жена и бывшая любовница встречают каких-то красивых юношей.

Я хочу остаться здесь, но в конце концов следую за центральным лучом, как аквалангист, боящийся удалиться от страховочной веревки. Так я пересекаю МОК-3.

«Мы хотели бы, чтобы смерти не было. На самом деле она, к счастью, есть, если вас интересует мое мнение. Ведь самое худшее, что с нами может приключиться, это стать бессмертными. Вот скука-то, вы так не думаете?»

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

Четвертое небо: оранжевая территория. Это место, где чувствуешь боль по уходящему времени. Бесконечная, уходящая за горизонт очередь умерших,двигающаяся не намного быстрее, чем очередь в кинотеатр.

Судя по одеждам, некоторые стоят в ней уже по много веков. Если только это не актеры массовки из фильма-катастрофы, погибшие во время съемок, то ясно, что ждать здесь можно очень долго.

И они ждут.

Оранжевая территория, это наверняка то место, которое в христианской религии называется чистилищем. Я чувствую, что мы тоже должны встать в конец очереди и ждать. Правда, еще на Земле у меня выработалась вредная привычка никогда не ждать в очередях и всех обгонять. Из-за этого я частенько нарывался на скандалы, а иногда и на драки. Ну и пусть, мы обгоняем всех. Некоторые протестуют и кричат, что мы не имеем права, но никто нас не останавливает.

Обгоняя очередь, я встречаю героев древних войн, о которых пишут в учебниках, древнегреческих философов, царей давным-давно не существующих стран.

Я бы хотел взять несколько автографов, но место к этому не очень располагает.

Роза, Амандин и я летим над мертвыми. Они образуют широкий поток, текущий к свету (Стикс?). Вход на оранжевую территорию является его источником, и чем дальше, тем очередь покойников становится уже, пока не превращается в узкий ручей. В глубине новая матовая стена. Мы проходим МОК-4.

«Я о смерти никогда не думаю. Я боюсь, что если о ней подумаешь, это ее привлечет. Я просто живу и живу, а потом будь что будет, там посмотрим».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

Вот мы и на Пятом небе. Это желтая территория, мир познания. Здесь открываются все великие секреты человечества. По пути я собираю кое-какие ценнейшие сведения, которые, к несчастью, не смогу передать тем, кто еще жив.

Ощущение великой мудрости. Какие-то голоса объясняют мне вещи, которые я никогда не мог понять. Я слышу ответы на вопросы, которые тщетно пытался решить в течение всей жизни.

Очередь мертвых становится все реже.

Многие задерживаются, замороженные ответами на мучившие их некогда вопросы. Ручей превращается в ручеек. Я стараюсь не поддаваться искушению этими играми разума. Я следую за лучом света. Я пересекаю МОК-5 и попадаю...

«Удивление.

Да, я бы сказал, я разделял это удивление. Меня недавно освободили за хорошее поведение после тридцати лет тюрьмы. Так что сейчас я могу говорить совершенно свободно. Я убил четырнадцать человек. Когда я убивал, меня удивлял вид потрясенных, даже негодующих людей, после того как я объявлял им, что положу конец их жизни. Как будто они решили, что их жизнь принадлежит им, как машина, собака, дом».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

...на Шестое небо. Зеленая территория. Здесь царит Красота. Ощущение цвета и гармонии, все как во сне или в мечтах. Я чувствую себя некрасивым и нескладным. Многие из умерших останавливаются здесь, замороженные Красотой.

Роза тянет меня за руку. Нужно продолжать путь и не дать околдовать себя этим зрелищем.

Мы движемся вперед. Нас все меньше и меньше.

Я пересекаю МОК-6 и попадаю на... Седьмое небо, белую территорию.

Здесь, кажется, миграция мертвых завершается. Свет идет от горной гряды. Самая высокая гора светится ярче всего. Я направляюсь к ней. Тропинка ведет к плато Страшного суда.

Посередине тропинки выстроились мертвые. Очередь движется медленно. Каждая душа ждет, чтобы предыдущую вызвали к двери, и занимает очередь перед линией.

Мы становимся в очередь.

За нами приходит некий светящийся персонаж. Я узнаю его с первого взгляда. Это хранитель ключей от Рая. Древние египтяне называли его Анубис, индуисты называли его богом мертвых Яма, греки Хароном, перевозчиком через Стикс, римляне Меркурием, а христиане святым Петром.

– Следуйте за мной...

Это высокий бородатый мужчина с немного надменным выражением лица.

– Хорошо.

Он улыбается и наклоняет голову. Здорово: когда я говорю, он слышит. Он ведет нас прямо на Страшный суд. Мы предстаем перед тремя судьями, которые начинают нас молча рассматривать. Я слышу, как святой Петр изрекает:

Фамилия: Пэнсон

Имя: Мишель

Национальность: француз

Цвет волос в последней жизни: брюнет

Глаза: карие

Рост в последней жизни: 1 м 78 см

Особые приметы: нет

Отрицательная черта: неверие в себя

Положительная черта: любопытство

Я знаю, кто эти судьи. В разных мифологиях у них различные имена. У греков Зевс, Темис, Танатос. У египтян Маат, Озирис, Тот. У японцев Изанами, Изанаги и Омуаган. Для христиан это три архангела: Гавриил, Михаил и Рафаил.

– Твоя душа будет взвешена, – объявляет мне самый высокий, Гавриил.

Значит, эта плазма и есть моя душа...

– Их нужно судить всех троих вместе, – добавляет самый толстый, Рафаил.

Суд у них скорый. Архангелы обвиняют нас в том, что в наших танатонавигаторских исследованиях мы слишком рано и подробно раскрыли тайны запредельного, знать которые могут лишь Великие Посвященные. У нас якобы не было права раскрывать людям как смысл жизни, так и смысл смерти.

– Движимые чистым любопытством, вы обнаружили Семь небес и информировали об этом публику совершенно бесплатно и бездуховно!

– Никто здесь не давал вам разрешения распространять подобную секретную информацию.

– Если бы вы хоть замаскировали ее под видом парабол или мифологий...

– Если бы вы хотя бы поставили для ознакомления с ней какие-нибудь условия...

Архангелы говорят обо всех негативных последствиях, к которым может привести распространение нашей поспешной информации о континенте мертвых.

– Люди будут совершать самоубийства просто из любопытства, чтобы побывать в Раю как туристы!

– К счастью, мы вовремя вмешались, чтобы пресечь в зародыше все ваши опасные начинания.

Архангелы считали, что нужно уничтожить все работы по танатонавигации, все, что есть в книжных магазинах и библиотеках. Они думали, что нужно изменить коллективную память людей, чтобы удалить из нее все воспоминания о наших поступках. К счастью, этого не пришлось делать. Книга о танатонавтах не имела никакого успеха. Некоторые читатели, которым она случайно попала в руки, решили, что это просто научно-фантастический роман. Выход нашей книги прошел незамеченным, она утонула в море новых публикаций.

Именно так осуществляется теперь новая цензура. Не ограничениями, а избыточностью. Книги, могущие побеспокоить, заваливаются массой безвкусной макулатуры.

Хотя архангелы не могли вмешаться напрямую, они были очень обеспокоены, и теперь мы должны за это расплачиваться. Возможен лишь один вердикт: приговариваются.

– К чему? – спрашивает Амандин. – К Аду?

Три архангела смотрят на нее высокомерно.

– Ад? К сожалению, его не существует. Есть только Рай и... Земля. Те, кто провалился на суде, приговариваются к возвращению на Землю и реинкарнации.

– Другими словами, можно сказать, что Ад – это Земля, – весело замечает архангел Рафаил.

Архангел Гавриил напоминает:

– Реинкарнация – это как выпускные экзамены в лицее. Если не сдал, нужно пересдавать. Что касается вас, то вы как раз провалились. Так что возврат на исходные позиции, и новая сессия.

Я склоняю голову.

Моя жена Роза, моя подруга Амандин и я, все мы думаем об одном и том же: «Еще одна жизнь. А ради чего?»

Сколько людей до нас должны были так же вздохнуть?

Но другие умершие в нетерпении. Нас торопят освободить место. Святой Петр ведет нас на гору. Мы забираемся на вершину. Она излучает яркий свет, который и привел нас на Страшный суд.

Внизу видны два туннеля. Вход в один из них цвета охры, в другой – темно-синий. Охристый вход ведет на Землю, к новым реинкарнациям, синий – в страну ангелов. Указателей нет, но, как и все здесь, объяснение само возникает в нашем сознании.

Попрощавшись, святой Петр оставляет нас перед входом в туннель цвета охры.

– До скорого, после вашей будущей жизни! – лаконично бросает он.

Мы продвигаемся по туннелю. На полпути мы натываемся на матовую мембрану, похожую на МОК, закрывающую Семь небес. Перейдя через нее, мы попадем в новую жизнь. Амандин смотрит на меня, готовая идти первой.

– Прощайте, друзья. Постараемся встретиться в будущей жизни.

Она мне незаметно подмигивает. Ей не удалось сделать меня постоянным компаньоном в этой жизни. Наверное, надеется на удачу в будущей.

– Вперед за новыми приключениями, – говорит она на прощание.

Роза прижимается ко мне. Я шепчу ей на ухо девиз танатонавтов времен великих колонизаторских войн по завоеванию континента мертвых:

– Ты и я, вместе против кретинов.

Поскольку у нас нет тел, которые можно обнять, наши две плазмы целуются в губы. Я ничего не чувствую, но все мое существо возбуждено.

– Вместе... – повторяет она как эхо.

На мгновение мы беремся за руки. Касаемся друг друга кончиками пальцев. Они сливаются вместе, потом наконец разделяются.

Роза отворачивается и быстро направляется к своей реинкарнации.

Теперь моя очередь. Твердыми шагами я иду по туннелю, повторяя себе, что в будущей жизни необходимо вспомнить, как я был танатонавтом.

Вся моя плазма дрожит. Наконец я узнаю, что скрывается за этой стеной.

С другой стороны смерти появляется...

«Хороший захват! Вот что важно. Никогда не забывать посыпать ладони тальком. Я цирковой акробат. Выступаю на трапеции без страховки. Хорошо ухватившись, я знаю, что ничем не рискую. Впрочем, я никогда не думаю о смерти и чувствую себя прекрасно. Я знаю, если смотреть вниз, можно упасть. Так что не знаю, что такое смерть. И между нами, предпочитаю поговорить о чем-нибудь другом. Вы уже видели мой номер?»

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

3. Приговор отменяется

...рука. Чья-то рука хватает мою душу и останавливает ее.

Какой-то прозрачный тип возмущенно заявляет мне, что процедура нарушена и нужно все начать сначала.

Для Амандин и Розы все тоже должно было происходить иначе, но, к несчастью, для них уже слишком поздно. Они ушли чересчур далеко по туннелю. Что касается меня, то все еще можно изменить.

Мой собеседник небольшого роста, бородатый, в очках, плохо скрывающих лихорадочный блеск глаз. Он тянет меня, подталкивает, настаивает. Говорит, что он мой ангел-хранитель.

Значит, у меня был ангел-хранитель? Кто-то, кто следил за всем, что я делаю? Может быть, помогал мне... Это сообщение меня успокаивает и одновременно удивляет. Значит, я был не один. Всю жизнь кто-то меня сопровождал. Я присматриваюсь к нему внимательнее.

Этот хрупкий силуэт, борода, очки девятнадцатого века... Кажется, я его где-то уже видел.

Он представляется: Эмиль Золя.

– Господин Эмиль Золя, автор «Жерминаль»?

– К вашим услугам. Но сейчас не место для комплиментов. Время идет. Нужно спешить.

Он утверждает, что наблюдал за мной всю жизнь с самого рождения, и убеждает меня не сдаваться так просто.

– Интриги... да-а, а карма-то была хорошей. Только вот история плохо кончилась. К тому же и процедура взвешивания душ была нарушена. Этот процесс несправедливый. Нечестный. Антисоциальный.

Эмиль Золя объясняет мне, что согласно существующим в Раю законам мой ангел-хранитель должен был бы присутствовать на процессе, когда взвешивалась моя душа, чтобы в случае необходимости выступить в качестве адвоката.

Он вытаскивает меня из туннеля и подталкивает к плато Страшного суда, где по-прежнему заседают три архангела. Перед трибуналом он расталкивает всех и требует начать процесс заново, угрожая предать все дело гласности. Обещает, что его выступление восстановит попорченную справедливость. Он приводит в подтверждение все существующие в Раю законы. Он бушует:

– Я обвиняю архангелов в том, что они сфальсифицировали данные взвешивания души моего подзащитного. Я обвиняю архангелов в том, что они саботировали процесс, который их раздражал. Я, наконец, обвиняю Небесный суд в том, что его целью было как можно скорее отправить на Землю душу, единственным грехом которой является любопытство.

Судя по всему, архангелы не ожидали такого поворота дела. Не каждый день кто-нибудь ставит под сомнение их приговор.

– Господин Золя, прошу вас. Будьте любезны согласиться с решением Небесного трибунала.

– Об этом не может быть и речи, господин архангел Гавриил. Я говорил и повторяю, что судьи рассматривали лишь действия танатонавтов и совершенно забыли присмотреться, как они должны были сделать, к повседневной жизни и поступкам моего подзащитного. А ведь именно с этого необходимо было начать. Я настаиваю на том, что Мишель Пэнсон прожил примерную жизнь. Он был хорошим мужем и отцом семейства, хорошим гражданином, замечательным другом, его близкие всегда могли рассчитывать на него. Он прожил жизнь как честный и справедливый человек. Он всегда проявлял щедрость и великодушие, а в ответ

его приговаривают вернуться страдать на Землю. И я не позволю, чтобы его душу сожгли с такой бесцеремонностью.

После минутного молчания Рафаил изрекает:

– М-м... А вы что об этом думаете, господин Пэнсон? В конце концов, вы же главное заинтересованное лицо. Желаете ли вы снова предстать перед трибуналом?

Теперь, когда рядом со мной нет всех тех, кого я любил, ни Розы, ни Амандин, ни Рауля, ни Фредди, я чувствую безразличие. Правда, должен признать, что жар выступления Эмиля Золя передался и мне. Я говорю себе, что, если бы он не выступил в защиту Дрейфуса, его дело никогда бы не было пересмотрено.

– Я хочу... вновь предстать перед судом.

Эмиль Золя сияет. У судей кислые лица.

– Ну хорошо, хорошо. Мы произведем новое взвешивание души, – соглашается архангел Михаил.

«После смерти матери у меня такое ощущение, что жизнь потеряла смысл. Согласен, я здесь, но живу я лишь воспоминаниями. Она была всем для меня. Теперь я потерян».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

Наконец мой процесс может состояться по всем правилам. Архангелы показывают мне мою жизнь и просят прокомментировать, что я сделал хорошего и что плохого. Для оценки моих действий используются такие критерии, как развитие, сопереживание, внимательность, желание сделать добро. Вся жизнь проходит передо мной, как мозаика мимолетных моментов на видео, причем некоторые пассажи прокручиваются быстро, а некоторые замедленно. Иногда изображение останавливается, чтобы я мог лучше вспомнить, что же тогда происходило.

В конце концов я начинаю трезво и отстраненно оценивать то, что я сделал в качестве Мишеля Пэнсона. До того как меня будут судить, я сужу себя сам. Странное ощущение. Так вот это и была моя жизнь? Что поражает в первую очередь, так это то, сколько времени я потратил впустую. Я боялся, меня всегда пугала неизвестность.

Для того, чьим главным достоинством является любопытство, это непонятно и парадоксально.

Сколько благих порывов сдержал этот страх! Однако мое безграничное любопытство позволило избежать многих скучных занятий, помогло не закоснеть. Все могло бы быть и хуже.

Просматривая вновь мою жизнь, я вспоминаю о своей любви к отшельничеству. Сколько раз я хотел остаться в одиночестве, в покое, вдали от друзей и знакомых, на каком-нибудь пустынном острове или в замке на горе...

Моя жизнь предстает как произведение искусства, а архангелы, как ревностные критики, объясняют, как бы еще я мог ее улучшить и в чем ее уникальность. Они, не колеблясь, хвалят меня за наиболее достойные поступки.

Некоторые моменты моей жизни менее похвальны, мелкие трусости по большей части, в основном из-за моей всегдашней невозмутимости.

Каждое мое действие подолгу обсуждается. Адвокат лезет из кожи вон.

Архангел Михаил подводит итог хорошим и плохим поступкам. Я слышу, что мне нужно набрать 600 пунктов, чтобы избежать реинкарнации. Вычисления очень точны: каждая маленькая ложь, каждый порыв сердца, каждый отказ, каждая инициатива стоят положительных или отрицательных пунктов. Наконец, архангел Михаил подводит итог: 597 против 600.

Провалился. Совсем немного, но не добрал.

Мой адвокат подсказывает:

– Я утверждаю, что эти цифры сфабрикованы, и требую их пересчета. Рассмотрим еще раз все действия моего подзащитного, одно за другим. Я обвиняю...

Позади я слышу вздохи нетерпения других душ, ожидающих своей очереди. Архангел Гавриил, которому явно надоели все эти «я обвиняю», принимает волевое решение. На этот раз архангелам потребовалась лишь секунда для того, чтобы прийти к согласию, так они спешат от нас отделаться. Звучит новый вердикт:

– Что ж, очень хорошо, ваша взяла. Округляем до 600. Вы освобождаетесь от цикла реинкарнаций. Можете считать, что вам повезло с таким настойчивым ангелом-хранителем и адвокатом, – говорит Михаил.

Эмиль Золя радостно аплодирует.

– Справедливость всегда торжествует.

Архангелы объявляют, что с 600 пунктами я теперь становлюсь номером 6.

– А что такое номер 6?

– Существо с уровнем сознания 6. Это позволяет тебе, если хочешь, навсегда освободиться от тюрьмы твоей плоти.

Таким образом, мне предоставляется выбор. Можно вернуться на Землю и стать Великим Посвященным, чтобы помогать людям развиваться, живя среди них. В этом случае у меня останется лишь смутное воспоминание о посещении Рая. А можно стать ангелом.

– А что такое ангел?

– Световое существо, имеющее на своем попечении три человеческих души. Задачей ангела является помочь хотя бы одной из них выйти из цикла реинкарнаций. Как Эмиль Золя помог тебе.

Я задумываюсь на мгновение. Оба предложения заманчивы.

– Поторопись, масса людей ждет своей очереди, – басит архангел Гавриил, – итак, твое решение?

«Смерть? Ее нечего бояться. Я знаю, что у меня есть ангел-хранитель, который бережет меня от всех опасностей. Однажды я переходил улицу, и интуиция подсказала мне, что абсолютно необходимо сделать шаг назад. Хотите верьте, хотите нет, но только я отступил назад, откуда ни возьмись выскочил мотоцикл, которого я не заметил, и чуть не сбил меня. Уверен, это мой ангел-хранитель меня предупредил».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

4. Ангел

– Я хочу стать ангелом.

– Прекрасный выбор, ты не пожалеешь, – заверяет Эмиль Золя.

Архангелы поторапливают нас освободить место для следующих душ. Мой ангел-хранитель увлекает меня ко входу в другой туннель в горе. Оттуда исходит синее сияние, как из освещенного изнутри бриллианта.

Эмиль Золя оставляет меня перед входом в огромное освещенное помещение и пожимает на прощание руку, поздравляя меня. Я продвигаюсь вперед. Мембрана закрывает проход. Я поднимаю ее, как театральный занавес. С другой стороны, прямо посередине помещения я вижу какого-то немного развязного типа.

– Добро пожаловать в ангелы. Я ваш ангел-инструктор.

– Ангел-инструктор? А это что такое?

– После ангела-хранителя формированием души занимается ангел-инструктор, – объявляет он как нечто само собой разумеющееся.

Я рассматриваю его.

Он похож на Кафку. Уши длинные и высоко посаженные. Миндалевидные глаза. Треугольное лицо лиса. Глаза лихорадочно блестят.

– Меня зовут Уэллс.

– Уэллс? ТОТ Уэллс?

– Нет, нет. Я Эдмонд Уэллс, ничего общего с Х.Г. Уэллсом или Орсоном Уэллсом, моими однофамильцами. Вы, наверное, о них подумали... Ничего страшного, мне нравится моя фамилия. Вы знаете, что она означает на английском? Колодец. Так что считайте меня тем, в ком вы можете черпать столько, сколько хотите. И поскольку мы должны проводить время вместе, давайте обращаться друг к другу на «ты».

– А меня зовут Пэнсон, Мишель Пэнсон. По-французски это значит «зяблик». Но я ничего общего с этой птицей не имею.

Он крепко хлопает меня по плечу, но я ничего не чувствую.

– Очень рад, ангел Мишель.

Мне странно слышать слово ангел перед моим именем, звучит как ученая степень.

– А вы кем были... э-э... на гражданке? – спрашиваю я.

– В последней жизни, до того как выйти из цикла реинкарнаций? Ну, вроде тебя, скажем, я был исследователем в своей области. Но меня интересовало не то, что «бесконечно над», а то, что «бесконечно под»... Под землей.

– Под землей?

– Да, скрытая под кожей планеты жизнь. Маленькие лесные человечки.

Бок о бок мы движемся по пересекающему гору туннелю, которому, кажется, нет конца. Вдруг я останавливаюсь.

– Эдмонд Уэллс. Эдмонд Уэллс...

Я повторяю это имя в задумчивости. Оно мне уже встречалось в одной газете. Я пытаюсь вспомнить. Ага, вот оно:

– А вы не проходили по делу об убийствах производителей инсектицидов?

– Горячо.

«Маленькие лесные человечки»... Я морщу лоб.

– Вы изобрели аппарат, с помощью которого можно общаться с муравьями!

– Я назвал его «камень Розетт», поскольку он позволял общаться двум самым совершенным цивилизациям планеты, которые тем не менее не могут понимать и оценивать друг друга: людям и муравьям.

Его, кажется, немного охватила ностальгия по своему изобретению. Затем он продолжает:

– Я научу тебя «профессии» ангела, тому, что ты должен делать твоими методами и способностями. Но главное, никогда не забывай, что находиться здесь уже само по себе ОГРОМНАЯ ПРИВИЛЕГИЯ.

Он чеканит:

ПОНИМАЕШЬ ЛИ ТЫ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЧТО ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НЕОБХОДИМОСТИ ЕЩЕ И ЕЩЕ РАЗ РОЖДАТЬСЯ – ЭТО САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПОДАРОК, НА КОТОРЫЙ ТОЛЬКО МОЖЕТ НАДЕЯТЬСЯ ЧЕЛОВЕК?

Я начинаю понимать, что избавился от цикла реинкарнаций.

– И чему вы меня будете учить, господин Уэллс?

5. Энциклопедия

Смысл жизни: «целью всего является развитие». В начале было...

Ноль: пустота.

Пустота развивалась и стала материей. И это дало...

Единица: минерал.

Этот минерал развивался и стал живым. И это дало...

Двойка: растение.

Растение развивалось и стало двигаться. И это дало...

Тройка: животное.

Животное развивалось и стало сознательным. И это дало...

Четверка: человек.

Человек развивался, чтобы его сознание позволило ему обрести мудрость. И это дало...

Пятерка: духовный человек.

Духовный человек развивался и стал полностью освобожденным от всего материального. И это дало...

Шестерка: ангел.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

6. Эдмонд Уэллс

– Значит, я б?

– Значит, ты ангел, – поправляет Эдмонд Уэллс.

– Я всегда представлял себе ангелов с ореолом вокруг головы и крылышками за спиной.

– Этот образ соответствует древним представлениям. Ореол произошел от металлических пластин, которыми римляне защищали статуи христианских святых от птичьего помета. А что касается крылышек на спине, то они восходят к древней месопотамской традиции, согласно которой эти спинные отростки свидетельствовали о принадлежности к высшему миру. Так, были крылатые лошади, быки и львы...

– А что это меняет для меня?

Я смотрю на свою руку. Радужное свечение, которого я до сих пор не замечал, окружает все мое тело синими переливами.

– Физические изменения – не самое главное, – продолжает Эдмонд Уэллс, – это новое состояние, прежде всего меняет твоё видение всего сущего.

Эдмонд Уэллс объясняет подробнее, в чем будет заключаться моя новая работа. Три души, инкарнированные в людей, будут переданы на мое попечение. А я должен сделать так, чтобы хоть одна из них эволюционировала до 600 пунктов и вышла таким образом из цикла реинкарнаций. Я должен наблюдать за этими тремя земными жизнями, сопровождать их и помогать им. После их кончины я должен буду выступить их адвокатом на Страшном суде трех архангелов.

– Как только что Эмиль Золя защищал меня?

Эдмонд Уэллс кивает.

– Благодаря своему успеху Эмиль Золя может перейти на более высокий уровень развития ангелов.

Теперь я понимаю, почему Золя был так настойчив на суде и вышел таким окрыленным.

– А что это за «более высокий уровень развития ангелов»?

Мой наставник поясняет, что на каждом этапе я буду получать особые сведения. Если я хочу быть посвященным в более высокий мир, мне необходимо сперва преуспеть в карьере ангела.

Продолжая беседовать, мы достигаем конца туннеля. Выход из него залит таким же синим светом, как и вход. Перед нами простирается страна ангелов.

«Ангелы? Нет, сожалею, я в них не верю. Это все вопрос моды. В некоторые моменты в моде ангелы, в другие – инопланетяне. Это просто повод для размышления суеверным и тем, кому делать нечего. В это время они забывают про безработицу и экономический кризис».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

7. Страна ангелов

Я люблюсь огромной панорамой, открывшейся взгляду.

– Ты не обязан ходить по поверхности, – объясняет Эдмонд Уэллс. – Здесь нет силы притяжения, а сами мы не материальны. Ты можешь перемещаться в пространстве куда хочешь и как хочешь.

Если бы поверхность не была полупрозрачной, с молочным оттенком, можно было бы подумать, что находишься на «нормальной» человеческой территории.

Эдмонд Уэллс указывает мне несколько ориентиров.

– На западе раскинулась равнина, где ангелы прогуливаются, когда хотят пообщаться друг с другом.

На севере – крутые горы с огромными пещерами, где ангелы могут побыть в одиночестве, когда они не хотят, чтобы их беспокоили. Пойдем поднимемся.

Отсюда местность чем-то напоминает глаз. Посередине длинной белой миндалины находится круг бирюзового цвета, похожий на радужную оболочку. Это лес голубовато-зеленых деревьев.

А в середине этой оболочки, как блестящий зрачок, находится черное озеро. Но в отличие от человеческого зрачка озеро не круглое. Оно имеет форму... сердца. У меня такое впечатление, что Рай – это бирюзовый глаз, глядящий на меня черным зрачком – сердцем.

– Это озеро Зачатий, – говорит Эдмонд Уэллс.

Мы приближаемся к этому месту. Окружающие его бирюзовые деревья похожи на сосны с густыми и плоскими вершинами.

Под деревьями видны ангелы. Чаще всего они сидят, поджав ноги, в метре над поверхностью, под ветвями. Перед ними три сферы, расположенные в форме треугольника. Ангелы их рассматривают с видимым интересом. Некоторые нервничают, другие возбуждены, и то и дело смотрят то на одну, то на другую сферу.

Тысячи ангелов расположились так на протяжении многих километров. Я рассматриваю их, но мой инструктор тянет меня выше.

– А что это за деревья?

– Это не совсем деревья, они улучшают прием и передачу волн с Земли и обратно.

Он делает резкий вираж. На юге я вижу долины, где ангелы собираются на свои собрания.

Мы меняем направление. На востоке находится другой вход, сияющий отблесками зеленого бриллианта. Все там полупрозрачное и светящееся, в бликах отражений. Черная вода озера, бирюзовые деревья, перламутрово-белая поверхность.

– Сапфировая дверь является входом в страну ангелов, это через нее ты пришел.

Эдмонд Уэллс указывает на сияющий зелеными вспышками грот на востоке.

– Изумрудная дверь – это выход. Через нее ты уйдешь, когда выполнишь свою задачу ангела. Давай побеседуем на западной равнине. Я знаю там тихий уголок, где мы сможем удобно расположиться.

Первый урок Эдмонда Уэллса посвящен секретам цифр. Он объясняет, что форма цифр, используемых на Западе, индийского происхождения и она указывает на ход развития жизни. Горизонтальная черта обозначает привязанность, кривая – любовь, пересечение – выбор.

1: минерал. Простая вертикальная черта без изгибов и горизонтальных черт. Ни привязанности, ни любви. У минерала нет чувств.

2: растение. Линия привязанности к земле: корни, удерживающие растение на почве. Наверху кривая любви, повернутая к небу: листья и цветы любят свет.

3: животное. Две кривых любви. Животное любит землю и любит небо. Но нет горизонтальной черты, оно ни к чему не привязано. Поэтому оно раздираемо лишь своими эмоциями.

У меня такое ощущение, что я уже слушал эти объяснения. Почему мне их повторяют? Или меня за дурака считают?

– Послание, передаваемое нам в форме индийских цифр, кажется тебе простым, – продолжает Эдмонд Уэллс, – однако оно несет в себе все загадки и секреты, все тайны эволюции сознания. Именно поэтому оно является основополагающим, и важно постоянно к нему возвращаться. Мир развивается в соответствии с символикой индийских цифр.

Эдмонд Уэллс возвращается к своим рисункам, начертанным прямо на облаках.

4: человек. Его символ – крест. Потому что у него есть выбор. Он находится на перекрестке, где нужно принять решение, куда пойти. Перед человеком стоит выбор: опуститься на животный уровень или перейти на более высокую стадию.

Кончиками пальцев мой наставник рисует 5.

5: мудрец. У него есть горизонтальная линия привязанности к небу и кривая любви к земле. Он летает в мыслях и любит мир...

– Можно сказать, это противоположность 2, – говорю я, включившись, наконец, в усвоение материала.

– ...5 имеет тенденцию... всегда стремиться ко все большему сознанию. Больше свободы. Больше сложности. 5 хочет освободиться от оков плоти, которая причиняет ему страх и боль. Он хочет стать 6.

Он рисует 6.

– 6 – это одна сплошная кривая. Кривая любви, поскольку ангел любит. Посмотри на эту спираль. Ее любовь исходит сверху, с неба, спускается вниз, к земле, и поднимается к центру. Это любовь, которая делает круг, чтобы вернуться и полюбить саму себя.

– 6 все такие?

– Нет. Все 6 способны к этому, вот и все. И я очень надеюсь изменить тебя таким образом, чтобы ты стал достойным этой цифры.

– А 7?

Эдмонд Уэллс тут же нахмурился.

– На сегодня твой урок заканчивается на 6. Ты можешь знать лишь то, чем являешься. Сконцентрируйся на своей сегодняшней задаче, вместо того чтобы разбрасываться. Я не могу отвечать на любые вопросы. Пошли!

Он поднимается над поверхностью. Мне нужно привыкнуть к этой способности направлять тело в трех измерениях, как в подводном плавании. Только под водой все движения замедленны и утяжелены из-за трения о воду, а здесь каждый жест легок и невесом.

Есть и другие особенности, к которым я тоже должен привыкнуть. Например, не дышать. Я замечаю, что мое тело почти бессознательно колыхается в ритм вдохов и выдохов. Мои легкие, как скрытый метроном, отсчитывали всю мою жизнь. Здесь их больше нет. Я нахожусь в бесконечном времени, в нематериальном теле.

Эдмонд Уэллс заявляет, что теперь мы пойдем выбирать фигуры, которыми я буду играть мою партию. Он приводит меня к поверхности черного озера в форме сердца. Присмотревшись, я различаю отражающиеся на поверхности изображения. Озеро является чем-то вроде огромного экрана, разбитого на тысячи маленьких экранов. И на каждом экране свивающиеся в объятиях, движущиеся обнаженные тела. Я хочу протереть отсутствующие глаза. Я не сплю, все это пары, занимающиеся любовью.

– Это что... уголок порнофильмов?

Он пожимает плечами.

– Это озеро Зачатий. Здесь ты выберешь родителей тех, кто будет на твоём попечении.

Вокруг нас другие ангелы в сопровождении своих наставников летают над озером и рассматривают отражающиеся на поверхности изображения.

– Глядя, как они занимаются любовью?

– Вот именно. Но сперва я должен сообщить тебе большой секрет. Рецепт души.

8. Энциклопедия

Рецепт души: вначале человеческая душа определяется тремя факторами – наследственность, карма, свободный выбор. Как правило, сперва они представлены в следующей пропорции:

25 % наследственность;

25 % карма;

50 % свободный выбор.

Наследственность: в начале пути душа на четверть определяется качеством генов, образованием, местом жизни и окружением, зависящими от родителей.

Карма: в начале пути душа на четверть определяется элементами, оставшимися от предыдущей жизни, неосознанными желаниями, ошибками, ранами и т. д., которые все еще тревожат ее подсознание.

Свободный выбор: в начале пути душа выбирает наполовину свободно то, что она делает, без какого-либо влияния извне.

25 %, 25 %, 50 % – таково соотношение в начале. С 50 % свободного выбора человек может впоследствии изменить этот рецепт. Он может освободиться от влияния наследственности, избавившись в молодом возрасте от власти родителей. Или освободиться от своей кармы, отказавшись обращать внимание на подсознательные пульсации. Наоборот, он может отказаться от свободного выбора и стать игрушкой в руках родителей или своего подсознания.

Таким образом, круг замыкается. Высший парадокс: человек со свободным выбором может отказаться от... свободного выбора.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

9. Три зачатия: до рождения – 9 месяцев

Я смотрю на это возбужденное кипящее человечество. Если я правильно понял, сделал выбор пар, я определю 25 % наследственности своих подопечных.

Я парю над озером Зачатий. Рассматриваю экраны. Здесь есть пары со всех континентов, из всех стран, всех национальностей. Некоторые вытянулись на кроватях, другие расположились на кухонных столах, в кабинах лифтов, на пляжах, в лесной чаще...

Странные изображения людей в моменты, считающиеся самыми тайными и интимными. Как выбрать? Привыкнув полагаться на интуицию, я останавливаюсь на паре, движения которой мне кажутся гармоничными. Мужчина брюнет, лицо бледное и тяжелое. Женщина тоже брюнетка, с длинными волосами, симпатичная. Я указываю на них пальцем.

– Вот эти, – говорю я.

Эдмонд Уэллс сообщает мне, что это французская семья из Перпиньяна. Фамилия Немро. Владельцы книжного магазина среднего достатка. Многочисленная семья. Четыре дочери. Кошка. Мой инструктор легонько стучает по экрану, чтобы дать знать, что это зачатие зарезервировано.

– Теперь никакой другой ангел не сможет у тебя его забрать.

Затем он исследует ДНК родителей и сообщает мне результат:

– Ммм...

– Что?

– Ничего серьезного. Болезни дыхательных путей со стороны отца. Покашливать будет.

– А со стороны матери?

Мой учитель снова берет за работу.

– Рыжие волосы.

Он проецирует в моем сознании ускоренное изображение встречи сперматозоида и яйцеклетки. Я вижу, как двадцать три мужских хромосомы соединяются с двадцатью тремя женскими.

– А это будет мальчик или девочка?

Он подсчитывает слияние двух гамет и объявляет:

– ХУ, это будет мальчик. Перейдем к следующему.

Я долго ищу и останавливаюсь на паре с кожей цвета меда. Они оба такие красивые в своей наготе, что из их слияния не может не родиться замечательный ребенок.

– Черные американцы из Лос-Анджелеса, – говорит Эдмонд Уэллс. – Мать – манекенщица, отец – актер. Семья Шеридан. Богатые. Крупная буржуазия. Это будет их первый ребенок, которого очень ждут. Чтобы зачать, мать проходила долгое лечение в специализированной клинике, поскольку опасалась, что она стерильна. ДНК родителей более чем удовлетворительные. Физических недостатков нет. ХХ, это будет девочка.

Я думаю о том, что эта классификация на ХХ и ХУ была описана еще в Библии. Знаменитое «ребро» Адама, возможно, лишь нижняя черта Х, удаление которой превращает ее в У.

Опять интуитивно я выбираю последнюю пару.

– Русские из Санкт-Петербурга, – сообщает Эдмонд Уэллс. – Чеховы. Бедная семья. Отец и мать безработные. Это будет их первый ребенок. Родители знакомы недавно и живут раздельно. Скорее всего ребенка будет воспитывать лишь один из них. Прекрасные ДНК родителей. ХУ, это будет очень крепкий мальчик.

Эдмонд Уэллс приступает к различным уточнениям, подключившись к идущим с Земли волнам, которые знает лишь он один. Он поднимает голову и изрекает:

– Два мальчика, одна девочка. Хороший набор. У француза будет плохое здоровье, у американки в норме, у русского прекрасное. Таким образом, мы сможем проверить влияние физического состояния на личность.

Он потирает руки.

– Замечательно, просто замечательно! – восклицает он, мысленно заполняя и отправляя в мое сознание три карточки.

Он снова сосредоточивается на мгновение и добавляет:

– Как я уже могу сказать, француза назовут... Жак, американку... Венера, а русского...

Игорь. Да, вот и три хороших клиента.

– Клиента?

– Это принятый здесь технический термин для обозначения душ, находящихся на твоём попечении. Потому что мы в некотором роде адвокаты, защищающие своих клиентов.

– И какая будет у меня теперь задача в отношении этих «клиентов»?

– Ждать семь месяцев, чтобы посмотреть, какую они получают карму.

– Семь месяцев, это долго!

– Это там, внизу, не здесь. Здесь время относительно, а не абсолютно.

Он усмехается.

– Впрочем, время относительно для всех, потому что каждый воспринимает его по-разному.

Он начинает цитировать по памяти:

– «Чтобы узнать цену года, спроси студента, который провалился на экзамене.

Чтобы узнать цену месяца, спроси мать, родившую преждевременно.

Чтобы узнать цену недели, спроси редактора еженедельника.

Чтобы узнать цену часа, спроси влюбленного, ждущего свою возлюбленную.

Чтобы узнать цену минуты, спроси опоздавшего на поезд.

Чтобы узнать цену секунды, спроси того, кто потерял близкого человека в автомобильной катастрофе.

Чтобы узнать цену одной тысячной секунды, спроси серебряного медалиста Олимпийских игр».

Мой наставник весело добавляет:

– А чтобы узнать цену человеческой судьбы, спроси своего ангела-наставника. Мы не цепляемся к незначительным обстоятельствам – всем этим мелким моментам жизни своих клиентов. Мы обращаем внимание на важные моменты, определяющие выбор.

Эдмонд Уэллс удаляется. У него есть и другие начинающие ангелы, которых нужно проинструктировать.

Я остаюсь на месте, замороженный, глядя на отражающиеся в озере Зачатий тысячи пар, занимающихся любовью, на зачатие будущего человечества. Мне хочется приободрить их, ведь чем больше они получают удовольствия от этих зачатий, тем удачнее будут их дети.

10. Энциклопедия

Яйцеклетка. Долгое время считалось, что яйцеклетку оплодотворяет самый быстрый из сперматозоидов. Теперь мы знаем, что это не так. Примерно сотня сперматозоидов одновременно приближается к яйцеклетке, которая заставляет их ждать на своей поверхности. Как в зале ожидания.

Чего она ждет?

Она занята тем, что делает свой выбор. А каков критерий выбора? Это было установлено совсем недавно.

Яйцеклетка выбирает сперматозоид, генетическая формула которого наиболее отлична от ее собственной. Как будто бы уже на этой начальной стадии наши клетки знают, что природа обогащается различиями, а не подобиями. Выбирая самый «чужой» сперматозоид, яйцеклетка повинуется первой биологической мудрости: избежать проблем единокровия. Ведь чем ближе друг к другу две генетические формулы, тем больше риск заболевания связанными с единокровием болезнями.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

11. Неожиданная встреча

– Ну что, развратник, кайфуешь?

Я подскочил на месте. Этот голос!

– Все эти совокупляющиеся смертные, тошнит просто. Потеют, стонут. И потом... обидно, в конце концов, видеть всех этих трахающихся людей, когда мы уже никогда не узнаем земных наслаждений.

Я оборачиваюсь.

Рауль РАЗОРБАК!

Расхлябанный, худой, с вытянутым прямоугольным лицом, тонким носом и хищной физиономией. Не перестает играть длинными и тонкими пальцами. Он совершенно не изменился с тех пор, как я встретил его в последний раз на кладбище Пер-Лашез. Он всегда покорял меня. Его самоуверенность, развязность, вера в себя и в свои мечты исследователя изменили смысл моей жизни.

– Рауль, ты-то что здесь делаешь?

Он спокойно уселся и обнял колени руками.

– Я попросил, чтобы меня реинкарнировали в растение, хотел немного отдохнуть. И это право было мне предоставлено в виде исключения. Так я стал виноградной лозой, давал виноград, мои плоды собирали. Превращенный в вино, я был выпит. Потом я вернулся сюда, сохранив весь запас пунктов. Мой ангел-хранитель сделал все необходимое, чтобы я получил статус ангела.

– Если бы я знал, что встречу тебя в Раю!

– В Раю? Ты шутишь! Этот Рай хуже дома престарелых! Все такие добренькие и все такое. Скука, да и только. Давай смываться отсюда и продолжать исследование вселенной, черт ее побери!

Он горячится и размахивает руками.

– Здесь все забюрократизировано. Они управляют, подглядывают, следят за смертными. А ты говоришь, удовольствие! Я больше всего боялся стать функционером. Ах, Мишель, мы бы лучше вернулись на Землю и сыграли в Великих Посвященных. Нас надули. Ангелы, ха! А если не реагировать, останемся здесь на сто тысяч лет, наблюдать клиента за клиентом. Это же каторга!

Он все такой же неистовый. Как я рад встретить своего лучшего друга. Я чувствую облегчение. Я больше не один. Друг снизу, которого находишь наверху, это действительно удача.

Он простирает руки к окружающим горным грядам.

– Уверю тебя, это самая чудовищная из тюрем. Смотри, мы зажаты в этих стенах. Да, мы в Аду!

– Рауль, ты богохульствуешь.

– Да нет же. Я прекрасно знаю, что Ада не существует, но, честно говоря, я об этом жалею. Было бы веселее оказаться среди кипящих котлов, окруженным сладострастными голыми женщинами, гарпиями и дьяволицами, в разгульной красноватой обстановке. Немного как на Третьем небе, помнишь? А вместо этого все только белое и синее, облака и прозрачные компаньоны, и ничего веселого на горизонте. Эх, тикать отсюда, валить, двигаться, отправиться на поиски приключений исследователей двадцать первого века. Отодвинуть границы познанного. Подхватить знамя танатонавтов. Идти дальше и дальше к Неизвестному.

Он обнимает меня рукой за плечи.

– С тех пор как существует человечество, были люди, хотевшие знать, «что находится за горой». И мы с тобой, Мишель, принадлежим к тем, кто первым отправляется посмотреть, а что же там. Мы были первопроходцами и останемся ими. Итак, друг мой, я предлагаю тебе отправиться на поиски новой terra incognita.

Я внимательнее смотрю на Рауля. Он сохранил свои манеры Шерлока Холмса, а я рядом с ним похож на верного доктора Ватсона. Какое еще приключение он мне предложит? Попав в Рай, мы узнали все, что можно узнать, что еще мы можем исследовать?

«Смерть? Да, я о ней думаю. Я хотел бы умереть во сне. Я засыпаю, я думаю, что мне снится сон, и я умираю. Я хотел бы, чтобы потом меня сожгли. Это обойдется дешевле моей семье. Они поставят урну с прахом на камин, и им не нужно будет ухаживать за могилой. Что касается наследства... ммм! Ну хорошо, я вам скажу. Я спрятал деньги в статуе бегемота, которая стоит в нише за большим комодом в стиле Людовика XV. Достаточно его отодвинуть. Тот, кто найдет клад, может оставить его себе».

Источник: некто во время опроса общественного мнения на улице

12. Выбор душ. 2 месяца до рождения

Эдмонд Уэллс тербит меня за плечо.

– В телах твоих клиентов должны вот-вот появиться души. Нельзя терять ни минуты. Следуй за мной.

Я покидаю Рауля. Мой инструктор ведет меня в спокойное место на юге и просит сесть по-турецки. Отсюда видна вся страна ангелов.

– Прекрасное место, чтобы спокойно наблюдать за развитием событий.

Он берет мои ладони и поворачивает их к небу. Происходит нечто необычайное. Три сферы летят к нам из-за горизонта и располагаются между моими ладонями. Одна над левой ладонью, другая над правой, а третья над ними, точно посередине. Все вместе образуют парящий треугольник.

– С помощью этих сфер ты не только увидишь души своих клиентов, но и сможешь слышать и контролировать их.

Он трет по очереди три шара, и они освещаются. Внутри я различаю моих клиентов, как если бы у меня была видеокамера, способная снимать в животе матери. Мои сферы оранжевого цвета, поскольку клиенты еще плавают в животах матерей.

– Я тебе скажу другое выражение из жаргона ангелов. Эти сферы контроля над душами, которые ты держишь, называются «яйца». Потому что мы высиживаем их, как яйца.

Эдмонд Уэллс садится рядом со мной.

– Пришло время получения души.

– Душу можно выбрать?

Он улыбается.

– Нет. На этот раз в дело вступает высший мир, мир 7.

Мы ждем. Одна за другой, сферы начинают светиться, как будто бы они получили электрический разряд. Эдмонд Уэллс разглядывает первую сферу, которая только что зажглась, и объявляет, что Жак получил душу индейца, прожившего свою последнюю жизнь сто лет назад. Он был странствующим сказочником и ходил от племени к племени, рассказывая детям легенды своего народа. Он был захвачен врасплох, когда на лагерь напали золотоискатели. Он спрятался, но нападавшие нашли и схватили его. Они отрезали его длинные черные косички, пропитанные медвежьим салом, которыми он так гордился, а потом повесили его на дереве.

Количество пунктов при взвешивании души: 350.

Эдмонд Уэллс рассматривает вторую засветившуюся сферу. Игорь получил душу французского астронавта. Он был одиноким человеком. У него было трудное детство и сварливая мать. Он сидел в тюрьме, но вышел на свободу благодаря тому, что вызвался добровольцем в смертельно опасные космические путешествия. Он покончил с собой из-за несчастной любви во время одной особенно опасной экспедиции...

Количество пунктов при взвешивании души: 470.

Что касается третьей сферы, которая только что зажглась, то Венера получила душу богатого китайца, исчезнувшего более двух веков назад. Он был эпикурейцем, но имел слабое здоровье. В жизни у него было только две страсти: вкусная еда и красивые женщины. Он дружил с самим императором и посещал сильных мира сего в Запретном городе. Во время одного из путешествий в провинцию его схватили разбойники. Они ограбили его, а потом закопали живьем в землю. Он долго пытался выбраться наружу. Жуткая смерть.

Количество пунктов при взвешивании души: 320.

– Отличный набор, – говорит Эдмонд Уэллс. – У двух из твоих душ больше 333 пунктов.

– И что это значит, 333 пункта?

– Это средний уровень сознания человечества. Если сложить пункты душ всех шести миллиардов живущих на Земле и вычислить среднее арифметическое, получится 333. Это означает, что большинство людей все же ближе к потолку, чем к полу... Наше дело – увеличивать это среднее значение, – ободряет меня мой наставник.

Я смотрю на своих клиентов в их «яйцах».

– Конечная цель, – продолжает Уэллс, – поднять их уровень сознания. Когда поднимается одна душа, поднимается все человечество.

– Вы хотите сказать, что если мне удастся поднять уровень хотя бы одного из моих клиентов, то все человечество сможет перейти от 333 к 334?

– Прогресс не происходит так быстро. Необходимо, чтобы сразу много людей эволюционировали одновременно, чтобы среднее значение увеличилось на один пункт, – объясняет учитель.

Он говорит, что я должен присутствовать при рождении моих подопечных, чтобы сразу после того, как они выйдут из живота матери, поставить им печать ангела. Этим жестом будет связан наш договор между ангелом-хранителем и хранимым смертным. С этого момента они смогут забыть свою предыдущую карму.

– Тебе достаточно надавить у них под носом, чтобы осталась ямочка.

Он показывает пальцем этот жест на моем лице.

– Но потом возвращаться на Землю запрещается, – сурово говорит он. – Запрещается!

13. Энциклопедия

В 1974 году философ и психолог Анатолий Рапапорт из университета Торонто сформулировал идею, согласно которой наиболее эффективным способом поведения в отношении другого человека являются: 1) сотрудничество; 2) взаимоуважение; 3) прощение. Другими словами, когда человек, или структура, или группа встречают другого человека, структуру или группу, они заинтересованы в том, чтобы предложить альянс, затем согласно правилу взаимоуважения дать другому то, что получил от него. Если другой помогает, ему тоже помогают, если другой агрессивен, он получает в ответ такую же агрессию. Затем необходимо простить и вновь предложить сотрудничество.

В 1979 году математик Роберт Аксельрод организовал турнир между автономными компьютерными программами, способными вести себя как живые люди. Единственное требование: каждая программа должна быть снабжена стандартным коммуникационным обеспечением, подпрограммой, позволяющей общаться с соседями.

Аксельрод получил четырнадцать дискет с программами своих ученых коллег, заинтересовавшихся соревнованием. У каждой программы были различные законы поведения (у самых простых код поведения умещался в две строчки, у самых сложных – в сотню строк). Целью было набрать как можно больше пунктов. У некоторых программ правилом было как можно скорее эксплуатировать другого, украсть его пункты, а потом сменить партнера. Другие пытались выкрутиться сами, сохраняя свои пункты, избегая контактов со всеми, кто мог их обокрасть. Были и такие правила: «Если другой враждебен, его надо предупредить, чтобы он прекратил это, а потом наказать». Или: «Сотрудничать, а потом неожиданно предать».

Каждая программа была 200 раз противопоставлена каждому из конкурентов.

Всех победила программа Анатолия Рапапорта, оборудованная правилом поведения СВП (сотрудничество, взаимоуважение, прощение).

Более того. Программа СВП, помещенная наугад среди других программ, вначале проигрывала агрессивным программам, но в итоге побеждала и даже становилась «заразной», если ей давали достаточно времени. Соседние программы, видя, что она наиболее эффективна, в конце концов начинали применять тот же подход.

Так что в долгосрочной перспективе правило СВП является наиболее рентабельным. Каждый может это проверить на собственном опыте. Это значит, что нужно забыть все неприятности, которые вам причиняет коллега по работе или конкурент, и продолжать предлагать ему работать совместно, как будто ничего не произошло. Со временем этот метод обязательно окупается. И это не вежливость, это в ваших собственных интересах. Что и было подтверждено с помощью компьютера.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

14. Зародыш Жака. 2 месяца до рождения

Смотри-ка, как странно... Я плаваю. Я в мешке, наполненном матовой жидкостью. Моя мать? Несомненно.

Я вспоминаю свое предыдущее существование. Я был американским индейцем. По вечерам я рассказывал истории. Потом пришли белые люди. Они меня убили. Повесили.

Теперь я снова вернусь в мир. Но где? В какой стране, в какой эпохе, кто мои родители? Мне тоскливо.

Наверху что-то говорят. Это, наверное, моя новая мать. Что она говорит? Я удивляюсь, что так хорошо ее понимаю. Мама говорит обо мне. Она говорит, что назовет меня Жак. Она говорит, что ночью я толкаюсь ногами и она видит кончики моих пальцев на своем животе. Ага! Ей это нравится? Очень хорошо, ну-ка, побрыкаюсь.

Она говорит, что хочет попробовать аптономию.

– Что это такое, аптономия? – спрашивает ее подруга.

– Техника, позволяющая отцу участвовать в беременности. Он кладет обе руки на живот жены и благодаря этому контакту сообщает зародышу о присутствии другого человека, внимательного к нему.

Это правда. Еще вчера я почувствовал эти руки. Значит, есть не только мама, но и папа.

Мама объясняет, что я, маленький Жак, прекрасно узнаю руки отца и тут же укладываюсь в них, как только он их положит на ее живот.

Я дергаю за пуповину. Мне здесь скучно. Я спрашиваю себя, как там, наверху?

15. Зародыш Венеры. 2 месяца до рождения

Значит, я существую.

Это странно. Я знаю, что я всего лишь зародыш, и, однако, я что-то чувствую. Не снаружи. Рядом со мной.

Мне тесно, а я этого не выношу. Меня раздражает, что мое тело не может двигаться. Я пытаюсь изо всех сил определить, что мне мешает, и вдруг обнаруживаю, что рядом со мной находится мой брат-близнец.

У меня есть брат-близнец!

Я догадываюсь, что мы соединены с мамой нашими пуповинами, но, кроме того, о чудо, мы соединены между собой. Значит, мы можем общаться.

– Ты кто?

– А ты кто?

– Я маленькая девочка в животе матери.

– А я маленький мальчик.

– Я очень рада, что не одна. Я всегда думала, что жизнь зародыша – это одиночество.

– Хочешь, я расскажу тебе о себе?

– Конечно.

– В моей прошлой жизни я покончил с собой. Мне, правда, оставалось еще мотать срок, поэтому меня отправили сюда, чтобы завершить свою карму. А ты?

– Я раньше был старым китайцем, богатым и могущественным мандарином. У меня была куча женщин и слуг.

Я шевелюсь. От этих воспоминаний мне хочется повернуться и вытянуться.

– Я тебе мешаю?

– Действительно, немного тесно. Я тебе, наверное, тоже мешаю.

– Мне все равно, сестренка. Я предпочитаю быть в тесноте, но в хорошей компании, чем одному в этом мраке.

16. Зародыш Игоря. 2 месяца до рождения

Значит, я существую.

Я ничего не вижу. Все вокруг оранжево-красное. И я слышу звуки. Биение сердца. Пищеварение. Голос мамы. Она говорит вещи, которых я не понимаю.

– Я-не-хочу-оставлять-этого-ребенка.

Абракадабра.

Я повторяю много раз эти звуки, пока до меня не доходит их старинное значение, которое позволяет понять их смысл.

Голос мужчины. Это, должно быть, папа.

– Ты просто дура. Ты уже дала ему имя, Игорь. С того момента, как вещи называют, они начинают существовать.

– Сперва я его хотела, а теперь больше не хочу.

– А я тебе говорю, что уже слишком поздно. Раньше надо было думать. Теперь ни один врач тебе аборт не сделает.

– Никогда не поздно. У нас нет бабок, чтобы растить ребенка. Надо от него избавиться немедленно.

Хохот.

– Ты просто скотина! – кричит мать.

– А я тебя уверяю, что ты его полюбишь, – настаивает отец.

Она всхлипывает.

– Я чувствую, как будто у меня в животе опухоль, которая растет и грызет меня изнутри.

Мне противно.

Покашливание.

– Да делай что хочешь! – кричит отец. – Надоели мне твои оханья. Я ухожу. Ухожу от тебя. Выкручивайся как хочешь.

Хлопает дверь. Мать плачет, потом завывает.

Проходит какое-то время. И потом вдруг я получаю целую серию ударов кулаком. Папа ушел. Значит, это мать сама себя бьет по животу.

На помощь!

Она меня не убьет. Я попытаюсь отомстить серией жалких пинков ногами. Легко нападать на маленького, особенно когда он в ловушке и не может убежать.

17. Энциклопедия

Аптономия. В конце Второй мировой войны голландский медик Франц Вельдман, которому удалось выжить в концентрационном лагере, решил, что в мире все плохо потому, что детей недостаточно любят с самого раннего возраста.

Он заметил, что отцы, занятые преимущественно работой или войной, редко беспокоятся о своих отпрысках до того, как они станут подростками. Он начал искать способ, как заинтересовать отца, начиная с самого раннего возраста ребенка и даже с периода беременности. Как это сделать? С помощью накладывания рук на живот будущей матери. Он изобрел аптономию, от греческого *hapto* – касаться, и *nomos* – закон.

Закон прикосновения.

Посредством нежного прикосновения к коже матери отец может сообщить о своем присутствии ребенку и завязать первые узы с ним. Опыты показали, что, действительно, зародыш очень часто различает среди многих прикосновений те, которые принадлежат его отцу. Самые способные отцы могут даже заставлять ребенка кувыряться в животе от одной руки к другой.

Создавая на самом раннем этапе треугольник «мать – отец – ребенок», аптономия усиливает ответственность отца. Кроме того, мать чувствует себя менее одинокой в процессе беременности. Она разделяет свой опыт с отцом и может рассказать ему, что чувствует, когда руки супруга ложатся на нее и ребенка.

Аптономия, конечно, не является панацеей для счастливого детства, но она, очевидно, открывает новые пути к большей привязанности друг к другу и матери, и отца, и ребенка. Еще в Древнем Риме был обычай окружать будущую мать кумами (от *cum mater* – компаньонка матери). Однако очевидно, что лучшим компаньоном матери в период беременности является отец ребенка.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

18. Идеи Рауля

Я наблюдаю за своими «яйцами».

Родители Жака используют аптономию. Хорошие условия развития.

Игоря бьют. Очень плохие условия развития.

К моему великому удивлению, у Венеры есть брат-близнец. Я не знаю, хорошо это или плохо.

– Мы здесь теряем время. Станем самими собой. Откроем скрытое от нас. Отодвинем границы познанного, – говорит мне Рауль, который вернулся сразу после того, как Эдмонд Уэллс исчез.

Мои сферы продолжают медленно вращаться передо мной. Я указываю на них движением подбородка.

– Я не буду их держать при себе постоянно. Как мне от них избавиться?

Рауль показывает, что достаточно повернуть руки ладонями вниз, и «яйца» покинут меня и улетят. Они тут же устремляются на северо-восток, как маленькие телеуправляемые самолетики.

– Куда они?

– Куда-то в горы.

Я поворачиваю руки ладонями вверх, и три сферы немедленно появляются из-за горизонта и автоматически располагаются у меня в руках. Я начинаю понимать систему. Рауль раздражается.

– Кончай развлекаться. Мне нужна твоя помощь, Мишель. Вспомни наш лозунг времен танатонавтов: «Все дальше и дальше к неизведанному».

Я поднимаю голову к неправдоподобному небу.

– Нет больше ничего неизведанного. Только ответственность по отношению к нашим зародышам.

Рауль приглашает полететь на восток. Мы изменили место наблюдения, но неизвестность не исчезла. Мы не знаем, что находится над миром ангелов. Мы достигли восточной границы их территории.

– Что ты хочешь сделать?

Кивком головы он указывает на Изумрудную дверь.

– Ты прекрасно знаешь, что мы войдем в эту дверь, когда спасем человеческую душу, – говорю я.

Длинные пальцы Рауля шевелятся в воздухе:

– Ты, значит, еще ничего не понял? Все наши клиенты – кретины, и они никогда не эволюционируют.

19. Зародыш Жака. 1 месяц до рождения

Я нервничаю. Как только я начинаю шевелиться внутри матери, я запутываюсь в пуповине. Она обвивается вокруг моей шеи, и тогда я снова переживаю весь ужас того момента, когда меня повесили. Я впадаю в панику, затем застываю. Перестав двигаться, мне как-то удается высвободиться.

20. Зародыш Венеры. 1 месяц до рождения

Жидкость в утробе становится горькой. Что происходит?

– Эгей! близнец! Есть проблема. Ты спишь?

Близнец отвечает не сразу.

– Я чувствую себя усталым, очень усталым... У меня такое ощущение, что я становлюсь пустым изнутри.

Я стараюсь понять, что происходит, потому что я-то питаюсь вкусной пищей. Это жидкость, полная ума, сахара и нежности. Я подскакиваю:

– Я пожираю твою энергию!

– Наверное, это так, – шепчет он. – Мне знаком этот феномен.

Он говорит с трудом.

– Мы переливающиеся близнецы. Я это знаю, потому что в предыдущей жизни я был акушером-гинекологом. У меня остались кое-какие воспоминания.

– Объясни.

– Так вот, между нами есть связь, маленькая трубочка, связывающая нас независимо от матери. Это просто тоненькая вена, но ее достаточно, чтобы между нами происходил обмен жидкостями. Поэтому мы так хорошо ладим друг с другом. Но, несмотря на это, один из двоих, в данном случае ты, не может удержаться, чтобы не высасывать все из другого. Если только нас не вытащат отсюда в ближайшие дни, ты меня полностью выпьешь.

Я содрогаюсь:

– И...

– И я умру.

Он устало замолкает, но я настаиваю:

– А они там, снаружи, в курсе?

– Они, возможно, знают про близнецов, но не знают, что ты мной питаешься. Они нам даже дали вчера имена. Ты спала, а я все слышал. Тебя назовут Венерой, а меня Джорджем. Здравствуй, Венера!

– Э-э... здравствуй, Джордж!

В бешенстве я пытаюсь барабанить.

– Эй там, наверху, снаружи, сделайте что-нибудь! Начинайте роды! Джордж умирает!

Я топаю изо всех сил ногами. Он меня успокаивает:

– Оставь. Слишком поздно. Я буду продолжать жить через тебя. Я буду всегда здесь, в тебе, моя Венера.

21. Зародыш Игоря. 1 месяц до рождения

Я дремлю, слегка прикрыв глаза. Мать плачет. Она говорит сама с собой и пьет много водки. Она напилась, и я тоже немного пьяный. Я думаю, она хочет меня отравить. Но мое тело привыкает и вырабатывает способы сопротивляться этому. Я переношу алкоголь.

Мамаша, тебе не удастся так просто со мной справиться. Я хочу родиться. Мое рождение будет моей мезтью.

Вдруг я чувствую страшный удар. Я падаю ничком. У меня разбито лицо. Что происходит? Я слышу, как она бормочет: «Я тебя достану, достану... Ты сдохнешь, я добьюсь этого».

Снова удар.

Я пытаюсь понять, что происходит снаружи, и, кажется, догадываюсь. Она падает животом на пол, чтобы меня раздавить!

Я сжимаюсь. Она наконец перестает.

Я жду следующей атаки. На что еще у меня есть право? На вязальную спицу? Держись крепче, Игорь. Держись. Снаружи сейчас так хорошо...

22. Загадка «седьмых»

Рауль подводит меня к старой даме-ангелу, которую я узнаю по фотографиям из газет: мать Тереза.

– На Земле она просто излучала великодушие. Святая из святых. Ну и что, у нее уже четвертая серия клиентов, а она так ничего и не может сделать. Так что если уж мать Тереза не может стать 7, то точно никто не может.

Старушка, действительно, кажется растерянной, глядя на свои сферы, и постоянно издает негромкие восклицания, как будто действительно ошпарилась вареными яйцами, доставая их из кастрюли.

– Эдмонд Уэллс сказал мне, что в жизни мы сталкиваемся только с теми проблемами, которые готовы разрешить.

Рауль строит презрительную мину.

– Думаешь, ты все понял? У нас нет даже достаточно разума, чтобы оценить свое невежество.

– В Желтом мире знания я получил ответы на вопросы, которые задавал себе, когда был смертным. Эдмонд Уэллс научил меня, что смысл эволюции сознания заключен в секрете форм индийских цифр. Вот и все, что нужно понять.

– Ты считаешь? Раньше мы были танатонавтами, духовными людьми. Мы были 5. Теперь мы ангелы, 6. На следующем этапе мы должны стать 7. Однако что такое 7?

– 7 – это существо, набравшее семьсот пунктов, – выпаливаю я наудачу.

Я чувствую, что, если бы не был нематериальным, Рауль стал бы трясти меня как грушу.

– А конкретно, что такое 7? Суперангел? Другая сущность? По-моему, если ты согласишься на разницу между бедными 5 и нами, 6, есть о чем задуматься по поводу того, кем могут быть эти 7.

Несмотря на всю разгоряченность моего друга, я остаюсь подозрительным. Он принимает мечтательный вид.

– Это должно быть грандиозно, стать 7. Я почитал кое-что. Над ангелами, как пишут, находятся херувимы и серафимы. Там стоит вопрос о господстве, о тронах. Я, однако, думаю, что над ангелами очень даже могли бы быть...

Он переходит на шепот, как бы боясь быть услышанным:

– Боги.

Я узнаю старого друга, всегда любившего выдвигать самые безумные идеи.

– А почему ты говоришь о «богах», а не о «боге»?

Видно, он долго размышлял над этим вопросом.

– На иврите бог называется «EL», а в текстах он нем, однако, пишут «ELOHIM», а это множественная форма.

Мы как будто ходим, переступая ногами над псевдоповерхностью, словно мы на Земле.

– Ты говорил об этом с другими ангелами? Что они думают?

– В этом вопросе ангелы не очень отличаются от смертных. Половина верит в Бога. Треть атеисты, в него не верят. Еще четверть агностики, как и мы, и признают, что не знают, существует Бог или нет.

– Половина, треть и четверть, это немного больше одного целого.

– Нормально. Есть такие, у кого две точки зрения, – говорит мой друг.

Он повторяет по пунктам:

– 4: люди, 5: мудрецы, 6: ангелы, 7: боги. Логично, правда?

Я не отвечаю сразу. Смертным ничего не известно о существовании или несуществовании Бога, у них нет никаких доказательств, так что им лучше оставаться в этом вопросе скромными.

Для Мишеля Пэнсона, которым я был, позиция честного человека заключалась в агностицизме, от agnostos – не уверен. По-моему, агностицизм прекрасно подходит к знаменитому пари Блеза Паскаля, считавшего, что лучше рассчитывать на существование Бога. На Земле я считал, что есть один шанс из двух, что за смертью следует другая жизнь, один шанс из двух, что ангелы существуют, один шанс из двух, что есть Рай. Приключения танатонавтов показали, что я не ошибался. В настоящий момент я не считаю необходимым увеличивать или уменьшать шансы существования Бога. Для меня Бог – это гипотеза с пятидесятипроцентной вероятностью.

Рауль продолжает:

– Здесь говорят, что «сверху» поступила директива: больше никаких чудес, мессий, пророков, новых религий. У кого же может быть столько власти и видения времени, чтобы принять подобное решение, если не у Бога или богов?

Рауль доволен произведенным эффектом. Он видит, что я поражен. Значит, моя следующая миссия – стать богом? Я даже не осмеливаюсь об этом подумать.

– Эта дверь ведет на Олимп, я в этом уверен, – чеканит Рауль Разорбак, указывая на Изумрудную дверь.

– Ну ладно. Мне нужно на Землю, присутствовать при рождении моих клиентов, – говорю я.

– Я с тобой.

Вот еще новость.

– Ты хочешь со мной на Землю?

– Да, – говорит он. – Давно я там не был. Если точно, с тех пор, как в последний раз отпечатки пальцев оставил.

– Ты прекрасно знаешь, что, кроме этих моментов, на Землю возвращаться запрещается.

Рауль делает двойное сальто, чтобы показать, что хочет размяться, летая на длинные дистанции.

– Запрещается запрещать. Двинули, Мишель, я был и остаюсь бунтарем.

Он останавливается передо мной и, сделав самое ангельское выражение лица, рассказывает по памяти отрывок из «Энциклопедии относительного и абсолютного знания» Эдмонда Уэллса, том 4, который выучил наизусть.

23. Энциклопедия

Трансгрессор. Обществу нужны трансгрессоры. Оно устанавливает законы для того, чтобы их нарушали. Если все будут уважать установленные правила и подчиняться нормам: нормальное школьное образование, нормальная работа, нормальное гражданство, нормальное потребление, то все общество станет «нормальным» и окажется в застое.

Как только трансгрессоров обнаруживают, их немедленно выдают и изгоняют. Однако чем больше развивается общество, тем больше оно само начинает выделять яд, который заставляет его вырабатывать антитела. Таким образом, оно учится перепрыгивать все более высокие препятствия.

Хотя они и необходимы, трансгрессоры всегда приносятся в жертву. На них нападают, их освистывают, чтобы позже другие, «переходные по отношению к нормальным», которых можно назвать псевдотрансгрессорами, смогли воспроизвести те же трансгрессии, но на этот раз смягченные, пережеванные, закодированные, обезвреженные. Это им достаются лавры изобретателей трансгрессии.

Но не нужно обманываться. Даже если знаменитыми становятся псевдотрансгрессоры, их единственный талант заключается в том, что они первыми заметили истинных трансгрессоров. А истинные всегда будут забыты и умрут в убеждении, что были не поняты и опередили свое время.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

24. Полет на землю

Мы проходим через синюю Сапфировую дверь.

Осторожно, чтобы не заметили архангелы, добираемся до Стикса и движемся вдоль него. Мы пересекаем семь территорий континента мертвых, выходим из центрального конуса, погружаемся в темный космос и летим к Земле. Будучи ангелом, летишь еще быстрее, чем мертвый. Мне кажется, что я лечу со скоростью, близкой к скорости света. Вскоре мы начинаем различать вдалеке родную планету. Мы входим в атмосферу одновременно с маленькими метеоритами, которые сгорают в ней и которые люди называют падающими звездами.

Мы пролетаем мимо самолета, из которого выпрыгивают парашютисты – любители свободного падения. Рауль располагается перед одним из смертных, который его, конечно, не видит, и развлекается тем, что вдвое опережает его по скорости падения. Я прошу его прекратить эти ребячества. У меня вот-вот одно из яиц проклюнется.

Мы приземляемся где-то в Тосканской долине.

Ностальгия. Мы испытываем чувство, которое должны были испытывать первые астронавты, возвращающиеся домой из полета. Только теперь наш «дом» больше не «здесь, внизу», а «там, наверху». У меня такое ощущение, что я стал сам у себя чужим.

Рауль подает знак, что нельзя больше терять ни минуты. Нужно скорее отправляться в госпиталь Перпиньяна, где меня ждет первый клиент: Жак Немро.

25. Рождение Жака

Значит, я рождаюсь.

Сперва я вижу слепящий свет в конце туннеля.

Меня толкают. Меня тянут.

Я вспоминаю предыдущую жизнь. Я был индейцем, которого повесили золотоискатели. Моей последней мыслью было: «Нельзя меня убивать вот так, с ногами над землей». Они меня повесили. Я задохнулся. Я задыхаюсь.

Быстро. Рауль говорит, чтобы я поспешил. Он объясняет, что нужно дать ему «поцелуй ангела».

Образы последней битвы отпечатываются в моем мозгу. Наши стрелы против их пуль. Наши луки против их ружей. Лагерь в огне. Меня ловят. Мои косички отрезают и надевают на шею петлю.

Жак еще в шоке от своей смерти. Он слишком нервный. Я шепчу ему: «Тсс, забудь свое прошлое». Рауль велит мне сделать ему отметку ангелов. Как это сделать? Он говорит, что нужно нажать указательным пальцем надо ртом, как если бы я хотел заставить его замолчать.

Я нажимаю пальцем ему под носом и делаю ямочку под крошечными ноздрями.

Жак успокаивается.

Не понимаю, что только что произошло. Чье-то присутствие? Я все забыл о прошлой жизни. Я знаю, что должен был что-то вспомнить, но не знаю что. Впрочем, была ли у меня предыдущая жизнь? Нет, я так не думаю.

Значит, я рождаюсь.

Меня тащат к свету. Я слышу крики.

Моя мама.

Я слышу строгий голос:

– Толкайте, мадам. Давайте толкайте маленькими толчками. Имитируйте дыхание собаки.

Моя мама начинает стонать.

Другой голос:

– Это длится уже несколько часов. Ребенок плохо выходит. Нужно сделать кесарево сечение.

– Нет, нет, – говорит мама. – Оставьте меня. Я смогу сама.

Снова толчки. Я чувствую вокруг себя увлекающие меня волны. Я продвигаюсь в темном ущелье из плоти. Скольжу ногами к ослепительному свету. Пальцы ног оказываются в ледяной зоне. Я хочу спрятаться в тепло, но руки в резиновых перчатках хватают меня и тащат на холод.

Мои ноги теперь все снаружи, потом мои ягодицы, потом живот. Меня снова тянут. Только руки и голова еще защищены. Остальное тело дрожит. Снова тянут, но я уперся подбородком и не сдаюсь.

– Ничего не получится, он не выходит, – говорит акушер.

– Нет, нет, – стонет мать.

– Нужен небольшой надрез, – советует голос.

– Это необходимо? – спрашивает мать обеспокоенно.

– Мы рискуем повредить ему голову, если будет продолжать тянуть, – отвечают ей.

Я остаюсь какое-то время телом наружу, головой внутрь. Рядом с подбородком появляется лезвие. Разрез, и давление вокруг ослабевает. Рывком меня тянут последний раз за ноги, и на этот раз голова проходит.

Я открываю глаза. От света звенит в голове. Я тут же зажмуриваюсь.

Меня хватают. Я не успеваю понять, что происходит. Меня держат за ноги головой вниз. Ай, ай, ай! Мне надоело такое обращение. Я кричу от ярости. Они тоже кричат.

Вот оно, мое рождение, я о нем буду вспоминать! Я кричу что есть мочи. Это им, кажется, нравится. Они смеются. Надо мной? Охваченный сомнениями, я плачу. Они продолжают смеяться. Передают меня из рук в руки. Эй! Я все-таки не игрушка! Кто-то теребит мой орган и говорит:

– Это мальчик.

Говоря объективно, с точки зрения ангела, он довольно уродлив...

Рауль рассматривает новорожденного и закатывается от хохота, как в прежние времена.

– И правда, какой он страшный.

– Думаешь, со временем это образуется?

Доктор объявляет, что мой клиент весит три килограмма и триста граммов. Рауль хлопает меня по спине, как если бы этот подвиг совершил я.

– Все новорожденные немного сморщенные, когда появляются на свет. А если их щипцами вытаскивают, и того хуже. Они как гофрированные.

Я родился.

– Какой хорошенький, – поздравляют друг друга голоса, которых я еще не понимаю.

Все на этой планете орут. Они что, шепотом говорить не умеют? Слишком много света, потоков воздуха, шума, запахов. Это место мне совсем не нравится. Я хочу вернуться назад. Но меня никто не спрашивает. Они обсуждают что-то, кажущееся им очень важным.

– И как вы назовете вашего мальчика?

– Жаком.

Кутерьма продолжается. К моему дрожащему телу приближаются ножницы. На помощь! Они отрезают пуповину, и от этого становится очень холодно.

26. Рождение Венеры

Я вспоминаю о предыдущем существовании. Я был богатым и могущественным китайским негодником. Я путешествовал в палантине с моими слугами. На нас напали разбойники. Они все отняли, а потом заставили меня копать собственную могилу и столкнули туда. Я умолял их оставить мне хотя бы жизнь, если не деньги. Они бросили мне одну из служанок. «Держи, оставляем тебе поразвлечься». Потом они засыпали нас землей. У меня глаза были забиты землей. Служанка задохнулась первой, и я чувствовал, как жизнь покидает ее тело. Я пытался выбраться наружу, копая руками землю, но я был слишком толстым, чтобы освободиться. Слишком много изысканных блюд...

Я задыхаюсь. Я не выношу этого ужасного плена. Открываю глаза. Когда я был китайским негодником, я умер в черном пространстве. Я вновь открываю глаза в пространстве красноватого цвета. Я все еще в заточении. И рядом со мной опять труп!

Это Джордж, мой брат-близнец, которого я убила, сама того не желая.

Я задыхаюсь, я хочу выбраться отсюда. Воздух, дайте воздуха! Я брыкаюсь. Сегодня мое тело не такое тяжелое. Я колочу руками и ногами, бьюсь изо всех сил. Наверняка есть кто-нибудь, кто может помочь мне выбраться отсюда.

Вот мы у изголовья Венеры.

Что-то в ее сознании не в порядке. Я пытаюсь проникнуть в сознание младенца и вижу, что мне это не удастся. Здесь находится граница нашей работы. Мы не можем читать мысли клиентов.

Должно быть, ее мучают воспоминания о прошлом. Я тороплюсь поставить ей отпечаток, но она возбуждена, движется не переставая, и мне никак не удастся это сделать.

– У нее приступ клаустрофобии, – говорит Рауль.

– Уже?

– Конечно. Иногда воспоминание о предыдущей смерти оставляет последствия. Она не может оставаться в замкнутом пространстве. Сейчас не время ставить отпечаток. Скорее, надо что-то делать.

– Я передаю интуицию необходимости кесарева сечения акушеру.

Свет! Наконец-то свобода! Чьи-то руки вызволяют меня из тюрьмы, но что-то за меня держится.

Это труп Джорджа! Он душит меня, как будто не хочет никогда со мной расставаться. Какой ужас! Я умер мужчиной с трупом женщины в руках, и я рождаюсь женщиной, прикрепленной к останкам мужчины.

Медсестры вынуждены маленькими щипцами разжимать один за другим пальцы Джорджа, чтобы освободить меня.

– Тсс, забудь прошлое.

Как только ее тело попало на воздух, я поставил отметку ангелов надо ртом. Врачи были слишком заняты, высвобождая ее от Джорджа, и не смотрели на мордочку Венеры. Иначе они заметили бы, как у нее под носом вдруг образовалась маленькая ямка.

27. Рождение Игоря

Значит, я рождаюсь.

Я вспоминаю, что был астронавтом. Вспоминаю свое отчаяние.

Мы теперь рядом с Игорем. Он тоже нервничает. Вспоминает предыдущую жизнь и пережитые травмы. Я прихожу на помощь и сразу ставлю ему отметку ангелов. «Тсс, забудь прошлое». Он не хочет успокаиваться. Я нажимаю сильнее, и тем хуже, если ямочка у него будет глубже. Он наконец немного успокаивается.

Мать упала в обморок на улице. С тех пор как она прекратила обращать внимание на симптомы, этого следовало ожидать. Тошнота. Головокружение. Каждый раз в наказание меня били. Как будто я виноват!

На этот раз у нее отошли воды, и я оказался в полной сухости, плюс ко всему она без сознания.

Ее подобрали прохожие. Они стали кричать, потом кто-то сказал, что женщина, должно быть, беременна. Другой сказал, что ее нужно срочно отвезти в больницу.

– Мне уже лучше, – сказала мать, придя в себя, – я просто напилась и потеряла сознание.

К счастью, они ей не поверили.

Заведение находится далеко. Машина едет быстро. Я это чувствую по ухабам.

– Дышите медленно, – советует женский голос.

– Да ничего страшного, отвезите меня домой, – повторяет мать.

Я начинаю задыхаться внутри. Я умру, и тогда она победит. Начинаются схватки. Время пришло. Супруги-автомобилисты, а я понимаю, что это супруги, потому что женский и мужской голоса пересекаются, теряют самообладание. Машина мчится еще быстрее. Толчки усиливаются, и схватки тоже. Я принимаю позицию.

ДАВАЙТЕ. Я ГОТОВ.

– Я не знаю, что нужно делать, – со вздохом говорит мужчина своей подруге. – Я никогда не принимал роды, я пекарь.

Тогда представь, что ты вынимаешь хлеб из печи, придурок!

– Он умрет, он умрет, – хнычет мужчина.

Но моего мнения не учли. Несмотря на мою ненавистную родительницу и этих двоих, которые ничего не могут сделать, я хочу жить и я буду жить.

А вот и выход.

Я высовываю наружу голову. Это сложнее всего. Я открываю глаза и ничего не вижу. Все как в тумане.

– Заверни его в свою куртку, – велит женщина.

Ну что ж, самое главное сделано. Я родился. Остальное должно быть проще.

– Я думал, мы никогда не сможем этого сделать. Не знал, что роды могут быть таким сложным делом.

– Все забывается, – успокаивает Рауль. – Теперь видишь, мы правильно сделали, что отправились вместе. Вдвоем было легче влиять на других автомобилистов и избежать аварии.

– Они довольно трогательные...

– Ты спятил... да это же монстры, да-а! И кошмар только начинается. Теперь ты узнаешь самое худшее.

– Что же?

Рауль принимает удрученный вид.

СВОБОДНЫЙ ВЫБОР! Свободный выбор человека, это его право решать, что сделать со своей жизнью. И значит, право ошибаться. Право вызывать несчастья. Не отдавать отчета ни в чем и никому. Не брать на себя ответственность. И они не стесняются. Ах, пожалуйста, берегись этих страшных слов: «свободный выбор».

28. Энциклопедия

Беременность. Вынашивание человека должно продолжаться восемнадцать месяцев, чтобы быть завершенным. Однако по истечении девяти месяцев необходимо, чтобы он вышел из материнского тела, поскольку его голова уже слишком велика, и, если подождать еще, она станет чересчур большой, чтобы пройти через таз матери. Как если бы неверно подобрали снаряд к пушке.

Значит, зародыш покидает живот матери, не сформировавшись окончательно. Следствием этого является необходимость продолжить девять месяцев жизни внутри матери девятью месяцами вне ее.

В этот очень ответственный период выращивание младенца должно сопровождаться постоянным присутствием матери. Родители должны создать ему воображаемый живот, в котором новорожденный чувствовал бы себя тем более защищенным, любимым, желанным, что он еще полностью не родился.

Через девять месяцев после появления на свет происходит то, что называют «трауром по младенцу», когда ребенок осознает, что между ним и внешним миром существует разница. С этого времени он начинает узнавать себя в зеркале как что-то отличное от окружения. Это и будет его подлинным рождением.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

29. Управление клиентами

Эдмонд Уэллс ждет меня за Сапфировой дверью. Он слегка передергивается при виде Рауля, поняв, что этот необычный ангел сопровождал меня на Землю. Но поскольку он не его непосредственный ангел-инструктор, Уэллс остается осторожным.

– Ну как прошли крестины? – спрашивает он как ни в чем не бывало.

– Без проблем!

Эдмонд Уэллс предлагает отправиться в юго-западную зону. Вокруг нас другие ангелы беседуют друг с другом, резвясь, как парочки ласточек. Мой наставник раскидывает руки и делает резкий поворот влево, я следую за ним.

– Пришло время научить тебя твоей непосредственной работе.

Он выбирает спокойное местечко в горах, и мы приземляемся.

– Ты должен направлять своих клиентов по правильному пути. У каждого они свои. Для каждого это конкретные и отличные одна от другой цели, и с каждой жизнью они стремятся совершенствоваться в этом направлении. Ты, однако, ничего не знаешь об этих задачах. Ты, конечно, можешь догадаться о них по их поведению, однако единственным объективным критерием их эволюции остается подсчет пунктов на Страшном Суде. Тот, кто выбрал правильный путь, будет от жизни к жизни увеличивать свое количество пунктов. Не забудь, набрав 600 пунктов, клиент выходит из игры.

– Как я могу им помочь?

Он берет мои руки в свои, поворачивает их ладонями вверх, и появляются три светящихся шара. Отблески от трех сферических экранов играют на наших прозрачных лицах.

– У тебя есть пять рычагов управления: 1) интуиция; 2) сны; 3) знаки; 4) медиумы; 5) кошки.

Я запоминаю. Он продолжает:

– Интуиция. С ее помощью ты направляешь клиента к тому, что он должен сделать, но это указание доходит до него таким притупленным, что оно ему едва понятно.

– А сны?

– Совершенно очевидно, что нам хотелось бы с помощью снов донести до них решения их проблем. Однако у нас нет на это права. Мы должны использовать свойственную сновидениям речь, в которую нужно вставлять необходимые указания в символической форме. Например, если твоему клиенту угрожает опасность, покажи ему во сне, что у него выпадают зубы или волосы. Со снами проблема в том, что либо они их забывают, проснувшись, либо понимают не так, как надо. Чтобы добиться нужного результата, нужно иногда продолжать много ночей подряд показывать разные символические истории, всегда сохраняя главное информационное ядро. Талант ангела и заключается в том, чтобы быть хорошим режиссером снов. У каждого клиента свой понятийный аппарат, который необходимо правильно использовать. Именно поэтому все книги, в которых говорится об общей символике снов, не соответствуют действительности. Он поглаживает яйцо Венеры.

– А знаки?

– Они действуют примерно так же, как интуиция. Речь идет о прямом вмешательстве, но оно не всегда срабатывает. Раньше люди принимали решение, наблюдая за полетом птиц или разглядывая куриные потроха. Для нас так было легче. Теперь мы сами должны придумывать знаки. Лающая собака говорит о том, что в эту сторону не надо идти. Или дверь, которая не открывается на ржавых петлях.

– Медиумы?

– Их нужно использовать очень экономно. Медиумы – это люди, получившие способность слышать голоса ангелов. Но есть два подводных камня. Во-первых, иногда они нас

неправильно понимают. Во-вторых, с помощью своего дара они порой оказывают давление на того, кто их слушает. Так что использовать их нужно лишь в крайних случаях.

– Ну... а кошки?

– В большинстве своем кошки немного медиумы. Их преимущество перед людьми в том, что благодаря своим способностям они не получают ни власти, ни денег. А главный недостаток в том, что они не говорят и не могут поэтому предупредить напрямую.

Я погружаюсь в раздумья. Средства, которыми я располагаю, кажутся мне довольно скромными для борьбы со свободным выбором.

– А есть другие рычаги?

Эдмонд Уэллс поглаживает шар Игоря.

– Имеющиеся пять рычагов при правильном использовании позволяют достичь очень хороших результатов.

Я потягиваюсь.

– Отлично, всегда мечтал руководить людьми. Настоящие мужчины, настоящая женщина – это гораздо интереснее, чем видеоигра типа «сохраните своего героя живым во враждебном окружении».

– Осторожно. Ты не имеешь права делать все, что попало. У тебя по отношению к клиентам огромная обязанность. Ты должен выполнять их желания. И это значит абсолютно все желания.

– Даже те, которые противоречат их интересам?

– В этом и заключается огромная привилегия их пятидесятипроцентного свободного выбора. Тебе запрещено к нему прикасаться. Ты должен уважать даже их самые нелепые желания.

Рауль был прав. Наш враг – не дьявол или какое-нибудь злое божество. Наш враг – это свободный выбор людей.

30. Жак. 1 год

Я живу жизнью ребенка.

Мне не нравится, когда родители хватают меня под руки. Мне нравится, когда меня берут под ягодицы и я могу сидеть у них на руках.

Папа часто подбрасывает меня в воздух. Я могу разбиться о потолок. От этого мне страшно. Почему папы считают, что нужно подбрасывать детей в воздух?

Меня все тревожит. Мне хочется спрятаться под покрывало, и чтобы меня оставили в покое.

Мне представили девочку и сказали, что она моя сестра. Она, по-видимому, рада меня видеть, потому что постоянно сует мне в рот разные вещи и говорит: «Давай, малыш, надо есть». Она засовывает меня в коляску своей куклы и бежит по квартире, крича: «Малыш испачкался! Ему нужно в ванную и глаза шампунем вымыть!»

Это не единственная девочка, которая считает себя моей сестрой. Есть и другие, присутствие которых мне интересно, но потенциально опасно. Одни меня чмокают, другие дергают за волосы. Одни мне дают соску, а другие шлепают.

Я обнаружил, что в семье есть еще и кошка. По-моему, это самое спокойное создание в доме. Шерсть у нее такая же мягкая, как у моих плюшевых мишек, и она издает мурлыкающие звуки, которые мне очень нравятся.

Сестры пытаются научить меня ходить. Я уже упал один раз, и воспоминание о синяках заставляет меня опасаться новых попыток. Стоячее положение меня беспокоит. На четырех конечностях падать не так страшно.

Кроме кошки, другими успокаивающими вещами в доме являются горшок и телевизор. Когда я сижу на горшке, меня никто не беспокоит. А в телевизоре все постоянно движется, и к тому же он мурлычет, как кошка.

По телевизору постоянно показывают истории. Я люблю истории. Они помогают забыть о моих тревогах.

31. Венера. 1 год

Я вся покрыта поцелуями и вниманием. Мама не устает повторять, что я самая красивая девочка в мире. Я видела себя в зеркале и действительно я восхитительна. У меня длинные черные волосы, кожа цвета меда и нежная как шелк, а глаза светло-зеленые. В отличие от других детей, я родилась даже не сморщенной. Как объяснила мама, это потому, что я сама вышла прямо у нее из живота, ей даже не нужно было меня выталкивать.

Кроме того, мне представили пожилого господина, мамино папу. Они называют его «папочка», и папочка досажает мне мокрыми поцелуями. Ненавижу мокрые поцелуи. Он меня совсем не любит, если делает такие гадкие вещи.

Вечером я требую, чтобы у кровати зажгли ночник, чтобы не быть в темноте. А то мне кажется, что под матрасом спрятался кто-то злой, и он схватит меня за ноги.

Не выношу, когда меня заворачивают в покрывало. Мне хочется, чтобы ноги всегда были на воздухе. А если нет, то меня это раздражает, очень раздражает. К тому же, если вдруг появится монстр из-под кровати, я не успею убежать.

Я совсем не ем. Я могу есть только мягкое и сладкое. Я люблю все красивое, приятное, сладкое.

32. Игорь. 1 год

Нужно пережить мою мать.

Я убегаю от нее из ванной, где она хочет меня утопить. Я ускользаю от нее в кровати, где она хочет задушить меня подушкой.

Я умею ускользать.

Я знаю, как предотвращать угрозы.

Я умею просыпаться ночью при малейшем свете.

Я умею, благодаря тонкому чутью, узнавать, когда она возникнет позади меня.

Я умею быть ловким и быстрым.

Я быстро учусь ходить.

Чтобы лучше убежать.

33. Энциклопедия

Материнский инстинкт. Многие думают, что материнская любовь – это естественное и автоматическое человеческое чувство. Нет ничего более ложного. До конца девятнадцатого века большинство женщин, принадлежащих к западной буржуазии, отдавали ребенка кормилице и больше им не занимались.

Крестьянки были не намного внимательнее. Они очень крепко пеленали детей, а потом подвешивали поближе к печной трубе, чтобы им было не холодно.

Поскольку уровень детской смертности был очень высоким, родители были фаталистами, зная, что у их ребенка лишь один шанс из двух дожить до подросткового возраста.

Лишь в начале двадцатого века правительства поняли экономический, социальный и военный интерес этого пресловутого материнского инстинкта. В частности, во времена сокращения численности населения начали понимать, что это происходит из-за того, что многие дети недоедают, с ними плохо обращаются, их бьют. В перспективе последствия могли быть очень тяжелыми для будущего страны. Стали уделять больше внимания информированию людей, профилактике, и понемногу прогресс медицины в области детских заболеваний позволил родителям вкладывать все больше привязанности в своих детей без боязни их преждевременно потерять. На повестку дня был выдвинут «материнский инстинкт».

Постепенно появился новый рынок: памперсы, соски, детские горшки, искусственное молоко, игрушки. По всему миру распространился миф про Деда Мороза.

С помощью массовой рекламы детская промышленность создала образ ответственной матери, и счастье ребенка стало современным идеалом.

Как это ни парадоксально, но именно в тот момент, когда материнская любовь проявляется и расцветает, становясь единственным неоспоримым чувством в глазах общественности, дети, став взрослыми, постоянно упрекают своих матерей в недостаточном внимании к ним в детстве. А позднее они выплескивают у психоаналитика свои горечи и обиды по отношению к родительнице.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

34. Верхний мир

Благодаря своим сферам я наблюдаю за клиентами под всеми возможными углами, как если бы в моем распоряжении было двадцать видеокамер. Достаточно лишь подумать, и я получаю панорамный вид, крупный план, общий и сверхобщий планы. Камеры вращаются по моему желанию вокруг клиентов, чтобы лучше показать и второстепенных персонажей, и массовку, и окружающую обстановку. Я управляю не только камерами и углами съемки, но и освещением. Я могу видеть моих героев в полной темноте, четко различать их под проливным дождем. Я могу проникнуть в их тело и видеть, как бьется их сердце, как переваривает пищу их желудок. Только их мысли скрыты от меня.

Рауль не разделяет моего энтузиазма.

– Вначале меня это тоже возбуждало. Но в конце концов я понял всю свою беспомощность.

Он смотрит на сферу Игоря.

– Хм, не очень-то приятно все это.

Я вздыхаю.

– Я беспокоюсь за Игоря. Мать его убьет в конце концов.

– Мать ненавидит своего ребенка... – растягивает слова Рауль. – Тебе это ничего не напоминает?

Я думаю, но ничего не могу вспомнить.

– Феликс, – выдыхает он.

Я подпрыгиваю. Феликс Кербоз, наш первый танатонавт! Его тоже ненавидела собственная мать. Я начинаю лихорадочно исследовать карму Игоря и узнаю, что, действительно, мой русский клиент – это реинкарнация нашего бывшего компаньона по танатонавигации.

– Как это может быть?

Рауль Разорбак пожимает плечами.

– В то время термин «танатонавт» еще не был широко распространен, и ангельский трибунал классифицировал Феликса как «астронавта».

Я вспоминаю этого простоватого паренька, который испытывал на себе опасные медикаменты ради сокращения тюремного срока. В обмен на амнистию он вызвался добровольцем в танатонавигаторский полет. Таким образом он стал первым, кто побывал на континенте мертвых и вернулся обратно. Я нахожу, однако, несколько суровым, что, имев в предыдущей жизни ненавидевшую его мать, он получил в новой еще худшую родительницу.

Рауль утверждает, что это нормально. Если какая-нибудь проблема не была решена в предыдущей жизни, она автоматически переносится в следующую.

– Поскольку душе Феликса Кербоза не удалось ни понять свою мать, ни подняться над ней, она попытается сделать это в новой жизни Игоря Чехова.

Наверняка это «седьмые», или «боги», кто так решил. Если ему снова не удастся решить проблему со своей матерью, какую же чудовищную родительницу ему дадут в следующей жизни?

Я морщу лоб.

– Я не представляю себе мать хуже, чем у Игоря...

Рауль Разорбак хохочет.

– Ну тогда доверься «людям сверху». У них богатое воображение, особенно когда нужно придумать новые испытания для человека. Будущее воплощение Игоря-Феликса вполне вероятно получит замечательную мать, которая задушит его своей ревнивой любовью.

– Да это просто какое-то кармическое зверство!

Физиономия моего друга вытягивается, а пальцы сжимаются и разжимаются.

– Вижу, ты начинаешь понимать. Все происходит так, как будто там, наверху, они решили долбить наших клиентов по башке до тех пор, пока те не начнут реагировать. Они считают, что лишь на дне бассейна человек в состоянии оттолкнуться и всплыть на поверхность. Я не знаю, кто эти «боги», но я отнюдь не уверен в том, что они хотят добра человечеству.

– Что же тогда можно сделать, чтобы ему помочь?

Рауль Разорбак сжимает кулаки.

– Увы, немного! Мы лишь пехотинцы в армии световых существ. Мы находимся на передовой и первыми увидим катастрофу, но решения принимаются офицерами и стратегами в тылу... И мы не знаем, что ими движет.

Внезапно я ощущаю полную беспомощность. Рауль яростно трясет меня.

– Именно поэтому мы должны любой ценой узнать, кто эти офицеры и что ими движет, кто эти «седьмые», эти «боги», которые используют нас – ангелов и их – смертных.

Впервые, может быть, из-за неприятностей Игоря, я прислушиваюсь к аргументам моего дерзкого друга. Однако я еще не чувствую себя готовым к тому, чтобы нарушить законы страны ангелов.

35. Ребенок Жак. 2 года

Сегодня родителей нет дома, а няня пошла покурить и поговорить по телефону на балконе. Путь свободен. Курс на кухню. Это замечательное место, которое мне всегда хотелось лучше узнать. Там много лампочек, которые мигают. Есть белые, красные и даже зеленые. Там вдыхаешь аромат теплого сахара и молока, запахи горячего шоколада и копченостей. В эти дни я постоянно принимаюсь. Кроме того, я стал специалистом по лазанию.

Ну-ка, что это там наверху?

К счастью, у плиты стоит стул. Если на него забраться, я до нее дотянусь.

Жак может вот-вот обжечься, если потянет за ручку кастрюлю, в которой кипит вода для лапши. Его надо спасать. Я включаю пять рычагов.

Интуиция.

Пытаюсь проникнуть в сознание няни. «Ребенок, ребенок в опасности на кухне!»

Но разговор с дружкой по телефону ее слишком занимает.

Я пытаюсь проникнуть в сознание маленького Жака, но этот череп прочен, как сейф, который невозможно взломать.

Знаки.

Воробьи слетаются на карниз и чирикают, чтобы отвлечь мальчугана. Занятый своей кастрюлей, он их не видит и не слышит.

Медиумы. Поблизости ни одного нет.

Что же делать?

Эта ручка слишком далеко. Нужно еще дальше вытянуть руку. Я все-таки схвачу эту длинную палку там наверху и посмотрю, почему она дымит и издает шум.

Кошки.

Остается кошка.

К счастью, в доме есть кошка! Я подключаюсь к ее сознанию. Я немедленно узнаю много вещей о ней. Во-первых, это она и зовут ее Мона Лиза. Удивительно, если сознание людей нам недоступно, то у кошки оно совершенно открыто. «Нужно спасти маленького мальчика!» – говорю я ей. Проблема в том, что Мона Лиза, наверняка уловив мое требование, совсем не спешит его выполнять. Она родилась в этом доме и никогда из него не выходила. Из-за того, что она целыми днями сидит перед телевизором, она стала жирной. Она соглашается встать лишь три раза в день, чтобы нажраться разваренной лапши и химических крокетов, которые обожает.

Она никогда не охотилась, никогда не дралась, она даже никогда не гуляла на улице.

Она все время оставалась в теплой квартире, уставившись в телевизор. У Моны Лизы есть любимые программы. Больше всего она любит игры, в которых участникам задают вопросы типа: «Как называется столица Берега Слоновой Кости?».

Эта кошка обожает, когда человек ошибается или чуть-чуть не добирает до джэк-пота. Горечи людей утверждают ее в идее, что кошкой быть лучше.

Она полностью доверяет хозяевам. Нет, это еще сильнее, она считает их не своими хозяевами, а своими... подданными. Невероятно! Это животное уверено, что миром правят кошки, которые манипулируют этими большими двуногими поставщиками ее благосостояния.

Я приказываю:

«Шевелись, иди и спаси маленького мальчика».

Она и глазом не ведет.

«Я слишком занята, – отвечает наглая тварь. – Ты разве не видишь, что я смотрю телевизор?»

Я еще глубже погружаюсь в сознание Моны Лизы.

«Если ты не поднимешься, мальчик умрет».

Она продолжает спокойно умываться.

«А мне все равно. Они других сделают. К тому же все эти детишки в доме, это уж слишком. Столько шума, беготни! И они все делают нам больно, дергая за усы. Я не люблю маленьких людей».

Как заставить эту кошку спасти ребенка?

«Слушай, кошка, если ты сейчас же не поспешишь спасти маленького Жака, я найду помехи на телевизионную антенну».

Я не знаю, способен ли я на это, но главное в том, что она поверила. Судя по всему, ее охватили сомнения. Я читаю в ее сознании воспоминания о помехах из-за грозы, когда экран был как будто покрыт снегом. А еще хуже были поломки и забастовки, которые ее очень раздосадовали.

– Ой, здравствуй, кошка. Ты первый раз пришла потереться о меня. Какая ты хорошая, как приятно гладить твою шерсть! Я лучше буду играть с тобой, а не с этой палкой наверху.

36. Ребенок Венера. 2 года

Вчера я долго сидела перед зеркалом. Я делала гримасы, но даже когда я гримасничаю, я себе нравлюсь.

Родители надели на меня мягкие розовые памперсы. Они говорят, что это для того, чтобы я делала в них «пипи» и «кака». Не знаю, о чем они говорят. Я спрашиваю «что пипи?», и мама мне показывает. Я рассматриваю желтую жидкость. Я ее нюхаю. Мне противно. Как из такого красивого тела, как у меня, может вытекать жидкость, которая так плохо пахнет? Я злюсь. Это так несправедливо. И потом, как унижительно носить эти памперсы!

Кажется, все люди без исключения делают «пипи» и «кака». По крайней мере, так говорят папа с мамой, но я им не верю. Наверняка есть такие, кто избавлен от этого бедствия.

У меня болит голова.

У меня часто бывают головные боли.

Произошло что-то очень важное, но я забыла, что именно. Я знаю, что пока это не вспомню, у меня будет болеть голова.

37. Ребенок Игорь. 2 года

Мать хочет меня убить.

Вчера она закрыла меня одного в комнате с распахнутым окном. Ледяной ветер пробирал меня до костей, но я выработал способность сопротивляться холоду. Я выдержал. В любом случае выбора у меня нет. Я знаю, что, если заболею, она меня лечить не станет.

«Я издеваюсь над тобой, мамаша. Я все еще живой. И если только ты не наберешься смелости воткнуть мне нож в живот, извини, но я буду жить».

Она меня не слушает. Валяется на кровати, водки нажралась.

38. Изумрудная дверь

Мы с Раулем ищем другой путь в мир «седьмых». Летим на восток, поднимаемся к вершине горы и пытаемся взлететь выше, но невидимая преграда нас останавливает.

– Я же тебе говорил, мир ангелов – это тюрьма, – мрачно бормочет Рауль.

Как бы случайно, перед нами возникает Эдмонд Уэллс.

– Хо-хо! Что это вы тут замышляете?

– Хватит с нас этой работы. Эта задача невыполнима, – резко говорит Рауль, демонстративно уперев кулаки в бока.

Эдмонд Уэллс понимает, что дело серьезное.

– А ты что думаешь, Мишель?

Рауль отвечает за меня:

– Его яйца еще не успели проклюнуться, а уже протухли. «Они» подсунули ему какого-то неумелого и угрюмого Жака, какую-то самовлюбленную Венеру и какого-то Игоря, которого мать прикончить хочет. Хороши подарочки!

Эдмонд Уэллс не удостаивает моего друга даже взглядом.

– Я обращаюсь к Мишелю. Что ты думаешь, Мишель?

Я не знаю, что ответить. Мой инструктор настаивает:

– Ты не испытываешь ностальгии по жизни смертного? Вспоминаешь о своей жизни во плоти?

Я чувствую, что оказался меж двух огней. Широким жестом Эдмонд Уэллс очерчивает горизонт:

– Ты страдал. Ты боялся. Ты болел. Теперь ты чистый дух. Свободный от материи.

Сказав так, он пролетает сквозь меня.

Рауль с отвращением пожимает плечами.

– Но мы потеряли все чувства. Мы даже сесть нормально не можем.

Он изображает жестом, как будто упал, сев на несуществующий стул.

– Мы больше не стареем, – говорит Эдмонд Уэллс.

– Но мы не ощущаем проходящего времени, – возражает Рауль. – Нет больше секунд, минут, часов, нет ночей и дней. Нет времен года.

– Мы вечны.

– Но у нас больше нет дня рождения!

Аргументы множатся.

– Мы не страдаем...

– Но мы больше ничего не чувствуем.

– Мы общаемся с помощью духа.

– Но мы больше не слушаем музыку.

Эдмонд Уэллс не дает привести себя в замешательство.

– Мы летаем с невероятной скоростью.

– Но мы не чувствуем даже дуновения ветра на своем лице.

– Мы постоянно бодрствуем.

– Но нам больше не снятся сны!

Мой наставник пытается заработать еще очки, но Рауль не сдается:

– Нет больше удовольствий. Нет секса.

– Но и боли больше нет! И мы имеем доступ ко всем знаниям, – парирует Эдмонд Уэллс.

– Нет даже больше... книг. В Раю даже библиотеки нет...

Моего инструктора задевает этот аргумент.

– Действительно, у нас нет книг... но... но...

Он ищет и находит ответ:

– Но... они нам и не нужны. Жизнь любого смертного несет в себе потрясающую интригу. Лучше всех романов, лучше всех фильмов: посмотрите на простую жизнь человека, с ее неожиданностями, удивлениями, болями, страстями, любовными переживаниями, удачами и падениями. И это НАСТОЯЩИЕ истории, лучше не придумаешь.

Тут Рауль Разорбак не знает, что ответить. Эдмонд Уэллс, однако, не спешит изображать триумфатора.

– Раньше я тоже, как и вы, был бунтовщиком.

Он поднимает голову, как будто хочет посмотреть на сгущающиеся облака. Наконец изрекает:

– Хм... Пошли. Я постараюсь немного удовлетворить ваше любопытство, открыв вам один секрет. Следуйте за мной.

39. Энциклопедия

Радость. «Долг каждого человека – возвращать свою внутреннюю радость». Но многие религии забыли это правило. Большинство храмов темны и холодны. Литургическая музыка помпезна и грустна. Священники одеваются в черное. Ритуалы прославляют пытки мучеников и соперничают в изображении жестокостей. Как если бы мучения, которые претерпели их пророки, были свидетельствами их истинности.

Не является ли радость жизни лучшим способом отблагодарить Бога за его существование, если он существует? А если Бог существует, почему он должен быть мрачным существом?

Единственными заметными исключениями являются: Тао то-кинг, религиозно-философская книга, в которой предлагается смеяться над всем, включая самого себя, и госпелы – гимны, которые радостно скандируют североамериканские негры на мессах и похоронах.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

40. Игорь. 5 лет

После многочисленных попыток мать, кажется, отказалась от решения меня убить. Она пьет, пьет и смотрит на меня злыми глазами. Вдруг она бросает в меня стакан. Я уворачиваюсь, и, как обычно, он разбивается вдребезги о стену.

– Мне, может, и не удастся тебя прикончить, но долго мне жизнь ты отравлять не будешь, – заявляет она.

Она надевает куртку, тащит меня на улицу за руку, как будто идет за покупками, но я сомневаюсь, что она решила пройтись по магазинам. Я убеждаюсь в этом, когда она оставляет или скорее бросает меня одного на церковной паперти.

– Мама!

Она уходит быстрым шагом, потом вдруг возвращается и бросает мне позолоченный медальон. Внутри фотография какого-то типа с густыми усами.

– Это твой отец. Можешь найти его. Вот ему радость будет с тобой возиться. Прощай!

Я сижу под мокрым снегом. Я должен продолжать жить. Снег становится гуще и начинает меня засыпать.

– Что ты здесь делаешь, малыш?

Я поднимаю замерзшее лицо и вижу человека в военной форме.

41. Венера. 5 лет

Днем я рисую, а ночью у меня беспокойный сон. Мне часто снятся сны. Мне снится, что у меня в голове сидит животное и оно хочет оттуда вырваться. Это крольчонок, и он мне грызет череп изнутри. Продолжая хрустеть, он все время повторяет одну и ту же фразу: «Надо, чтобы ты обо мне вспомнила». Иногда я просыпаюсь с ужасной головной болью. Сегодня ночью боль была еще сильнее, чем обычно. Я встаю и иду к папе с мамой. Они спят. Какое они имеют право спать, когда у меня так болит голова? Я думаю, они меня не любят по-настоящему.

Я рисую свою боль и существо, которое сидит внутри меня и меня гложет.

42. Жак. 5 лет

Мне страшно. Я не знаю, почему мне страшно. Вчера по телевизору показывали то, что они называют вестерн. Я просто окаменел от ужаса. Все тело тряслось. Семья была удивлена.

Сегодня утром появились сестры, изображающие ковбоев, чтобы меня напугать. Я бегу в другой конец квартиры. Они ловят меня в столовой. Я бегу на кухню. Они ловят меня на кухне. Я бегу в ванную. Они ловят меня в ванной.

– Сейчас мы с тебя скальп снимем, – заявляет самая маленькая, Матильда.

Ну почему она говорит такие злые вещи?

Сестры гонятся за мной до комнаты родителей. Потом хотят схватить меня в темной комнате, но я ускользаю у них между ног. Я в ужасе. Где спрятаться? Мне в голову приходит идея. Я бегу в туалет. Для большей безопасности закрываюсь на задвижку. Они стучат в дверь, но я ничего не боюсь, она прочная. В туалете я чувствую себя как в крепости, а они продолжают стучать. Вдруг удары прекращаются. Слышны голоса.

– Что здесь происходит? – спрашивает папа.

– А Жак в туалете закрылся, – пищат сестры.

– В туалете? И что он там делает? – удивляется папа.

И тут меня осеняет. Я произношу фразу, которую всегда говорит папа, когда он хочет побыть спокойно в туалете и которая раздражает маму:

– Я читаю книгу.

За дверью повисает тишина. Я знаю, что в доме слово «книга» немедленно вызывает уважение.

– Что же теперь, дверь взрывать? – любезно предлагает Матильда.

Напряженное ожидание.

Затем я слышу, как папа ворчит:

– Если он сидит в туалете, чтобы читать книгу, нужно оставить его в покое.

Этот урок отпечатывается у меня в голове. Если все не так, как надо, ты закрываешься в туалете и читаешь книгу.

Я сажусь на стульчак и осматриваюсь. Справа лежит кипа журналов, а над ней находится папина этажерка – его библиотека. Я беру книгу. Страницы заполнены буквами, которые лепятся одна к другой и которые я не могу расшифровать. Я люблюсь на обложки книг. К счастью, здесь есть детский альбом с картинками. Я его знаю. Папа мне его уже читал на ночь. Там говорится про гигантского человека у лилипутов и про лилипута у гигантов. По-моему, этого человека зовут Гулливер. Я рассматриваю картинки и пытаюсь понять буквы, чтобы они складывались в слова. Это слишком сложно. Я задерживаюсь на рисунке гиганта, связанного толпой маленьких человечков.

Однажды я научусь читать и закроюсь в туалете надолго, очень надолго, и буду читать так много, что забуду все, что происходит за дверью.

43. Четыре сферы судеб

Эдмонд Уэллс ведет нас к скалистым горам на северо-востоке. Он указывает на узкий проход, и мы устремляемся в лабиринт туннелей. Наконец мы попадаем в огромный грот, освещенный четырьмя сферами примерно по пятьдесят метров в высоту, которые висят в двух метрах над землей.

Ангелы-инструкторы летают вокруг них, как мухи вокруг светящихся висячих арбузов.

– Это место предназначено лишь для ангелов-инструкторов, – сообщает наш наставник. – Но, учитывая ваше желание увидеть то, что другие ангелы не видят и даже не стремятся увидеть, я хочу немного удовлетворить ваше любопытство.

Мы приближаемся.

Все шары одинакового размера, но содержание у них разное.

В первом находится душа минерального мира.

Во втором – растительного.

В третьем – мира животных.

В четвертом – душа мира людей.

Я подхожу к первой сфере. Внутри нее подрагивает светящееся ядро. Неужели это душа Земли, знаменитая Гайа, *Alma mater*, о которой говорили древние?

– Значит, у Земли есть душа?

– Да. Все живет, а все, что живет, имеет душу, – отвечает Эдмонд Уэллс.

И небрежно добавляет:

– А все, что имеет душу, стремится развиваться. Потрясенный, я люблю шары.

– Все живет, правда? Даже камни?

– Даже горы, и ручьи, и булыжники. Но их душа находится на низком уровне. Чтобы его измерить, достаточно посмотреть на мерцание ядра и интуитивно определить состояние души.

– Таким образом, – говорю я, усвоив эту космогонию, – минерал, будучи на уровне 1, должен иметь 100 пунктов, растение – 200, животное – 300, а человек – 400...

– Именно!

Я вглядываюсь в душу Земли, но у нее не 100 пунктов ровно, а намного больше... 163! Второй шар, скрывающий душу лесов, полей и цветов, тоже имеет не 200, а 236 пунктов. Сфера животных имеет 302 пункта. Что до человечества, то у него только 333 пункта.

– Как, – удивляюсь я, – у человечества нет 400 пунктов?

Эдмонд Уэллс утвердительно кивает:

– Как я уже говорил, в этом и состоит весь смысл нашей работы. Помогать людям стать настоящими людьми. Подлинными «четвертыми». Но, как ты видишь, люди не занимают отведенное им место. Они даже не на полпути между третьим уровнем животных и пятым мудрецов. «Недостающее звено» – это они. Меня смех разбирает от слов Ницше о сверхчеловеке. Прежде чем стать сверхчеловеками, пусть они сперва станут просто людьми!

Я наклоняюсь над шаром человечества и внимательнее приглядываюсь к шести миллиардам крошечных пузырьков, каждый со своим светящимся ядром.

Рауль Разорбак молчит, но я догадываюсь, что он находится под сильным впечатлением от вида всех человеческих душ.

Эдмонд Уэллс склоняется над сферой.

– Вот все наши клиенты. Здесь разыгрывается основная партия. По-моему, если человечество не поставит перед собой такой цели, как самоуничтожение, то через несколько веков смертные станут настоящими людьми, настоящими «четвертыми». Но нам, ангелам, предстоит сделать огромную работу, чтобы поднять их до этого уровня.

Уэллс рисует в нашем сознании кривую. Он оптимист. Человечество развивается все более ускоряющимися темпами. Благодаря современным транспортным средствам и росту количества путешествий, глобальным связям, распространению культуры в планетарном масштабе, все более многочисленным и доступным средствам массовой информации, мудрецы (или «пяты») могут отныне быстрее распространять свое влияние.

– Посмотрите, как люди жили раньше и как они живут сейчас. Раньше все боялись хищных зверей. Сегодня за ними наблюдают в зоопарках. Люди боялись голода, они были вынуждены заниматься тяжелым и неблагодарным трудом. Сегодня эти задачи выполняют роботы и компьютеры. У человека появляется все больше и больше свободного времени, чтобы думать. А когда человек думает, он задает себе вопросы.

В начале третьего тысячелетия шансы повысить сознание человечества велики, как никогда. Раньше, например в Древней Греции, в расчет принимались лишь «граждане», то есть свободные люди. Рабы и иностранцы были не в счет. Позднее мало-помалу все эти «маргиналы» получили равные права.

44. Энциклопедия

Терпимость. Каждый раз, когда люди расширяют свое понимание «себе подобных», чтобы включить в него новые категории, они начинают рассматривать существа, ранее считавшиеся низшими, как достаточно похожие, чтобы быть достойными уважения. С данного момента не только эти существа переходят на другой уровень, но и человечество в целом проходит новый этап развития.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

45. Добрые и злые

Шар человечества... Я понимаю, что именно сюда возвращаются наши яйца каждый раз, когда они отправляются на северо-восток. Я понимаю также, что души, собранные таким образом вместе, разряжаются одна о другую и гармонизируются между собой. Отсюда и знаменитая фраза, которой Уэллс прожужжал мне все уши: «Достаточно подняться уровню одной души, и повысится уровень всего человечества». Может быть, именно здесь находится знаменитая «ноосфера» Тейяра де Шардена, в которой смешаны сознания всех людей?

– Но если мы, ангелы, ничего не будем делать, будут ли они развиваться сами по себе? – вдруг спрашивает Рауль.

– Мы пастухи, которые направляют стадо в правильном направлении. Но, действительно, благодаря проделанной ангелами в прошлом работе, люди уже на верном пути.

– Стало быть, в таком случае их можно было бы оставить...

Эдмонд Уэллс даже не обращает внимания на это замечание.

Рауль настаивает:

– А для нас, ангелов, каков следующий уровень развития? Мир богов?

Эдмонд Уэллс поднимает брови.

– Смеюсь я, глядя на вас, молодых ангелов. Вы все хотите узнать сразу. Не можете отказаться от старых привычек людей. Но посмотрите внимательно на ваши сферы, и вы поймете, где заключаются все привычки смертных, которые вас по-прежнему тревожат и отягчают. Вместо того чтобы снова и снова задавать себе человеческие вопросы, ведите себя как ангелы!

С этими словами, раздосадованный, наш наставник поворачивается к нам спиной и быстро удаляется. Он направляется к матери Терезе, чтобы дать ей наставления. Из того немногого, что мне слышно, я понимаю, что одним из ее клиентов является глава государства, которому она постоянно предлагает увеличить налоги на крупные состояния. Эдмонд Уэллс отчеканивает, что притеснения богатых не сделают бедных счастливее.

Я приближаюсь, чтобы лучше их слышать.

– Дорогая мать Тереза, иногда вы рассуждаете слишком упрощенно. Как говорил один мой знакомый, «недостаточно преуспеть самому, нужно еще получать удовольствие от неудач других». Он шутил, но вы действительно разделяете эту точку зрения. Вы убеждены, что человек может легче переносить свою нищету, если все человечество тоже страдает. Цель же, напротив, состоит в том, чтобы сделать всех людей счастливыми!

Мать Тереза делает гримасу обиженного ученика, уверенного, несмотря ни на что, в своей правоте.

Со своей стороны, я считаю, что она пытается, прожив всю жизнь среди бедняков, воспроизвести знакомое ей окружение. Нищих она знала всегда. С богатыми все гораздо сложнее. Святая женщина вынуждена теперь интересоваться биржевыми курсами, новостями моды, благотворительными обедами, модными ресторанами, нервными депрессиями, светским алкоголизмом, адюльтерами, талассотерапией, в общем, всеми проблемами богатых.

Мать Тереза выслушивает наставления Уэллса, нахмуриваясь, и заявляет:

– Наверное, мне следует подтолкнуть президента к тому, чтобы начать кампанию по регулированию рождаемости в бедных кварталах. Не делайте детей, о которых вы не способны позаботиться, иначе они станут преступниками и наркоманами. Вы это имели в виду?

– Продолжайте в том же духе, – вздыхает Эдмонд Уэллс. – Это уже лучше.

По-моему, наш инструктор все-таки очень терпеливый педагог. В своем роде, он уважает... свободный выбор ангелов.

Рауль вытягивает руки к горизонту и взлетает. Я следую за ним.

- Эдмонд Уэллс знает, кто такие «седьмые». Он точно знает, что находится над нами.
- Он нам ничего не скажет, ты уже видел его реакцию, – говорю я.
- Он-то будет молчать. Но есть его книга...
- Какая книга?

– Его «Энциклопедия относительного и абсолютного знания». Он начал ее, будучи смертным, и продолжает в своей небесной жизни. Ты же прекрасно знаешь, он нам постоянно цитирует отрывки из нее. Он собрал в ней все свои знания, все, что он открыл и все, что его интересует во вселенной. Три первых тома он написал на Земле, где смертные могут их прочитать. Но четвертый он пишет здесь.

- Ты к чему ведешь?

Мой друг делает петлю, затем возвращается и продолжает парить рядом со мной.

– Уэллсу так хочется распространить свою науку, что он наверняка искал способ материализовать четвертый том вслед за тремя первыми.

- У него нет больше ни карандаша, ни ручки, ни пишущей машинки, ни компьютера.

Он может собрать все сведения, какие захочет, но они всегда будут бесплотными.

Эти аргументы Рауля не убеждают.

– Не считаешь же ты его настолько сумасшедшим, чтобы записать все великие секреты Рая в каком-нибудь манускрипте, спрятанном на Земле?

Рауль невозмутим.

– А помнишь отрывок из «Энциклопедии», озаглавленный «Конец эзотерик»? Там ясно сказано: «Отныне все секреты могут быть представлены широкой публике. Поскольку мы должны признать очевидное: понимают лишь те, кто хочет понять».

Мы кружимся над Раем.

– Все секреты, КРОМЕ секрета «седьмых»! Нельзя же представить, что Эдмонд Уэллс доверил человеку-медиуму на Земле тайны Рая, чтобы тот записал их в книгу...

Мой друг восхищен, как будто он ждал, что я произнесу эти слова.

- Кто знает?

46. Энциклопедия

Конец эзотерик. В прежние времена те, кто имел доступ к фундаментальным знаниям о человеческой природе, не могли их раскрыть вдруг. Пророки изъяснялись параболами, метафорами, символами, намеками, недоговоренностями. Они опасались, что знание распространится слишком быстро. Они боялись быть неправильно понятыми. Они создавали инициации для того, чтобы тщательно отбирать тех, кто достоин иметь доступ к важной информации.

Эти времена прошли. Отныне все секреты могут быть представлены широкой публике. Поскольку мы должны признать очевидное: понимают лишь те, кто хочет понять. «Желание знать» является самым мощным человеческим двигателем.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

47. Игорь. 7 лет

Человек в форме был милиционером. Он был красивым, большим, сильным. От него пахло чистотой. Он взял меня на руки.

Он отряхнул с меня снег и отвел в детдом. Наконец-то подальше от опасности. От мамы. Я здесь уже два года.

В детдоме живут другие дети, брошенные родителями. Мы – отбросы общества, нелюбимые, нежеланные, кто не должен был родиться.

Плевать. Я жив.

Здесь все похоже на питомник для бездомных собак, только ветеринар заходит реже, а жратва хуже.

Другие ребята нервные. К счастью, я сильный. Когда есть проблема, я не думаю, я сразу бью. Лучше всего в живот. Меня считают зверем. Но лучше так, по крайней мере, меня боятся. Сперва тебя боятся, потом с тобой дружат. Я быстро понял, что люди думают: раз ты хороший, значит, ты слабый. Я не хороший. Я не слабый.

В комнате нас четверо. Вместе со мной здесь три «В».

Ваня – маленький украинец, которого отец-алкоголик слишком «укачивал» о стену.

Володя в нашей банде толстяк. Не знаю, почему он толстеет от того, чем нас тут кормят.

Вася молчун. Когда он говорит, то рассказывает интересные вещи, но он чаще молчит. Он научил нас играть в покер.

Покер – это клево. В один вечер можно достичь верха счастья или несчастья, все очень быстро. Когда Вася играет, лицо у него каменное. Он говорит: «Важны не плохие или хорошие карты, важно уметь играть плохими». Еще он говорит: «Важно не то, какие у тебя карты на самом деле, а то, какие они по мнению противника». Вася постоянно жует веточку.

Он учит нас подавать ложные сигналы радости или разочарования, чтобы сбить других с толку. Благодаря ему я в школе покера, и она меня многому учит, у меня развивается талант наблюдателя. Мне это нравится. Мир полон маленьких деталей, которые дают нам всю необходимую информацию.

Вася говорит:

– Некоторые профессиональные игроки даже в карты никогда не смотрят. Так они увереннее, что лицо их не выдаст.

– А как же они узнают, кто выиграл?

– В последний момент. Когда ставки сделаны, они открывают карты и узнают, счастливая у них рука или нет.

Васю родители не бросили. Его не били. Он сам убежал из дома, когда ему было шесть лет. Милиция его поймала, но он никому не признался, кто он и откуда. Тогда его отправили в детдом, ментам ведь неохота тратить время на поиски родителей какого-то беспризорника.

Вася никогда не говорит про свое прошлое. Может, у него были богатые родители, но он их больше не хочет видеть. Он ушел от них просто так, в голову что-то пришло, ради приключения. Вася – это класс.

Иногда ребята из детдома уходят, их усыновляют люди, которые хотят иметь детей. Сперва я об этом мечтал. Вдруг появляются родители, которые хотят нас спасти... Но я быстро понял, что все это надувательство. Разные слухи ходят. Говорят, что часто приемышей используют для детской проституции или заставляют в подпольных мастерских шить футбольные мячи или собирать игрушки для детей на Западе.

Ненавижу западных детей. На них весь мир работает. В подвале детдома есть мастерские, где нас заставляют собирать игрушки и электронные детали. Нас эксплуатируют задаром, да!

Когда кто-нибудь, кого усыновили, собирает вещи, над ним смеются и кричат в спину: «Ну что, проституция или подпольная мастерская?»

На самом деле мы ревнуем, потому что они, может быть, нашли родителей, а мы нет.

Вчера Ваню схватили ребята из банды Петра. Он пришел в слезах. Петр заставил его показать наш тайник, и они забрали все сигареты. Мы так этого не оставим.

Мы идем в комнату Петра. Дверь не закрыта, но внутри никого нет. Странная тишина. Где-то здесь ловушка, это точно.

Паук, поднимающийся по паутине к потолку, кажется мне знаком. Плохим знаком. Паук означает ловушку.

Поздно. Петр и его дружки спрятались под кроватями. Они внезапно выскакивают и угрожают нам ножом с выкидным лезвием.

Паук был прав.

Против ножа мои кулаки бессильны. Мы стоим, опустив руки, а Петр приказывает своим друзьям раздеть нас и поджечь одежду. Он говорит, что с этого момента половину сигарет, которые мы украдем, мы будем отдавать ему, а то получим по шее.

– Хотите мира, салаги, так делитесь.

Потом он поворачивается ко мне и, играя лезвием у пупка, говорит:

– А тебе я скоро портрет перекрою.

Я не могу ничего сделать против его ножа. Мы проходим голые мимо других ребят. Об этом уже знает весь детдом, и мы понимаем, что облажались.

На улице идет снег, приближаются праздники, но здесь никто не верит в Деда Мороза. Если бы он был, он дал бы нам родителей, которые могли нас защитить. Правда, на Новый год каждый имеет право на апельсин и кусок жесткой баранины. Я чищу апельсин и загадываю желание. Если Дед Мороз меня слышит: «Пусть Петр получит ножом в брюхо».

48. Венера. 7 лет

Прошлой ночью мне приснился странный сон. Мне снилось, что дети дерутся и один из них поворачивается ко мне и бросает: «А тебе я скоро портрет перекрою».

Вчера вечером я смотрела по телевизору передачу про пластическую хирургию. Наверняка она и вызвала этот кошмар. Там как раз объясняли, каким образом перекраивают лицо. Мама просто приклеилась к экрану. Обычно, когда по телевизору показывают кровь, родители велят мне идти спать, но тут они были так захвачены зрелищем, что забыли про это.

Мама сказала, что она тоже хотела бы пойти к хирургу и переделать лицо. Она говорит, что не надо долго ждать. Чем ты моложе, тем лучше результат.

Папа возразил, что операция стоит слишком дорого, но мама сказала, что красота не имеет цены, особенно если это профессиональный капитал. Папа сказал, что его внешность тоже профессиональный капитал, но он предпочитает поддерживать свою форму с помощью спорта, а не скальпеля.

Папа упрекал маму, что она не следит за собой и тратит слишком много денег. Потом он хотел ее поцеловать, но она его оттолкнула. Она сказала, что он больше на нее не смотрит, а то бы увидел ее морщины и сам предложил их убрать. Она сказала, что женщина никогда не идеальна и что с определенного возраста она ответственна за свое лицо.

Неужели это правда? Значит, красота не дается раз и навсегда?

Они поссорились. Мама упрекала папу, что он посещает молоденькую курочку. Я, правда, никогда не видела никакой птицы в квартире. Папа сказал, что у него нет курочки, что с него хватит ее подозрений. Мама сказала, что в любом случае женщина имеет право ухаживать за своей внешностью и что, если он не хочет заплатить за ее операцию, она оплатит ее с их общего счета.

Папа сказал: «Не в твоих интересах делать это». Они произнесли ритуальную фразу: «Не перед малышкой», а затем ушли к себе в комнату. Они продолжали кричать. Били вещи об пол и стены. Потом стало тихо.

Есть много такого в поведении взрослых, что мне кажется странным. Я еще посидела немного перед телевизором, чтобы посмотреть продолжение передачи.

Потом, у себя в комнате, как часто по вечерам, я села перед зеркалом и задумалась. Если маме нужна пластическая операция, чтобы стать еще красивее, значит, мне тоже.

Что изменить, чтобы стать еще красивее? Я исследую свое лицо и прихожу к выводу: нос.

У меня слишком длинный нос. Санта-Клаус, если ты меня слышишь, вот мое желание: пластическая операция, чтобы укоротить нос.

49. Жак. 7 лет

– Прекратите задавать вопросы, Немро.

– Но...

– Вы меня раздражаете, Немро. Учите урок, и все. Постоянно в облаках витает, а потом задает вопросы. А меня интересуют ответы.

Смех в классе. Я наклоняю голову. В школе я несчастлив. Училка заставляет нас зубрить наизусть всякие вещи, а у меня память плохая. В этом году я потратил кучу усилий на таблицы сложения и вычитания. В первом классе я с трудом выучил алфавит и научился писать свою фамилию и адрес. Не могу запомнить спряжения глаголов. Я не могу даже запомнить входного кода в собственный дом. Сколько раз я тщетно пытался набрать правильные цифры на улице, на холоде!

С другими учениками у меня тоже сложные отношения. Потому что я рыжий и ношу очки. Они обзывают меня «морковкой со стеклышками» или «ржавым гвоздем». По-моему, я ошибся планетой.

Лучше всего мне с Моной Лизой. Она всегда дает хороший совет. Вчера я решал задачу по математике с тремя возможными ответами. Так вот, Мона Лиза положила лапу на правильный!

Если я не с этой планеты, может, я с планеты кошек?

На прошлой неделе я проходил мимо магазина игрушек и увидел замечательный космический аппарат с мигающими лампочками. Может, на таком аппарате можно путешествовать в космосе и найти свою планету? Я уверен, что на моей большинство существ имеют рыжие волосы, а блондинов и брюнетов обзывают «кочерыжками» и «коровьими лепешками».

На моей планете никого не заставляют учить наизусть стихи, потому что все знают, что это бессмысленное занятие. И кодов на входной двери там нет. Скоро Рождество. Я попрошу Деда Мороза принести мне этот космический аппарат.

Я рассказал об этом Моне Лизе. Она согласна с моим выбором.

50. Желания

Я сижу по-турецки, паря в пространстве под бирюзовым деревом. Справа плещется озеро Зачатий. Три сферы трепещут у меня над ладонями. Каждый раз, когда я подключаюсь к клиентам, я чувствую небольшую боль. Как если бы соединение со смертными существами позволяло мне снова обрести ощущения плоти.

Подходит Эдмонд Уэллс. Он касается кончиком пальца сферы Игоря, кладет ладонь на сферу Венеры.

– Теперь ты, по крайней мере, знаешь рычаги каждого. Знаки для Игоря. Сны для Венеры. Кошка для Жака. Но будь внимателен. Иногда нужно много рычагов, иногда их нужно поменять. Не впадай в рутину. Ну, что они хотят на Рождество и Новый год?

– Игорь хочет... чтобы один его знакомый получил ножом в живот. Венера хочет пластическую операцию, чтобы укоротить нос, а Жак требует пластмассовую игрушку в виде космического корабля пришельцев. Я действительно должен выполнить все их желания?

Наставник теряет терпение.

– Решив стать ангелом, ты обязался не обсуждать это правило. Ты не должен судить о качестве их желаний, твоя роль состоит в том, чтобы их удовлетворять.

– Кто придумал такие правила? Кто заинтересован в том, чтобы их желания исполнились? Бог?

Эдмонд Уэллс делает вид, что не расслышал вопроса. Он склоняется над яйцами с обеспокоенным видом. Меняет углы наблюдения, задумывается и говорит:

– Теперь, когда ты знаешь пять рычагов, я научу тебя трем тактикам. От самой простой до самой сложной. Во-первых, тактика «кнута и пряника». Речь идет о том, чтобы подталкивать клиента обещанием вознаграждения или угрозой наказания. Во-вторых, тактика «горячего и холодного». Быстро менять плохие и хорошие сюрпризы для того, чтобы клиент стал более податливым. В-третьих, тактика «бильярдного шара». Воздействовать на того, кто воздействует на клиента.

Удовлетворенный преподнесенной порцией мудрости, наставник уходит. Не успевает он удалиться, как появляется мой искуситель Рауль Разорбак.

– Пошли за ним.

Мы незаметно продвигаемся среди деревьев до ложбины, в которой Эдмонд Уэллс, сидя по-турецки, пристально разглядывает единственную парящую над ладонями сферу. Так, значит, инструкторы имеют на своем попечении какие-то специально отобранные души?

Яйцо поблескивает.

Уэллс шевелит губами. Он говорит сфере:

– Улисс Пападопулос, ты готов? Вот еще одна статья для «Энциклопедии относительного и абсолютного знания».

И он начинает диктовать отрывок, посвященный влиянию языков на мышление. Я не верю своим ушам. Эдмонд Уэллс диктует тексты смертному. Но не первому попавшемуся, понимаю я тут же. Рауль был прав. Наставник использует медиума для того, чтобы передать свои знания, потому что больше всего он опасается, как бы его мысли, не зафиксированные материально, не исчезли.

– Этот смертный, этот Улисс Пападопулос, значит, знает больше, чем ангелы, об их территории, – шепчет мой друг. – Давай-ка спустимся и поглядим на него. Это, должно быть, интересно.

51. Энциклопедия

Вопрос о языке. Язык, которым мы пользуемся, влияет на наше мышление. Например, французский, увеличивая количество синонимов и слов с двойным смыслом, вводит нюансы, очень полезные в дипломатии. Японский, в котором смысл слова определяется интонацией, требует постоянного внимания к настроению говорящего. Поскольку в японском, кроме того, существует множество уровней вежливости, то это заставляет собеседников с самого начала определить свое место в социальной иерархии.

Язык является не только формой образования и культуры, он содержит в себе составляющие элементы общества: управление эмоциями, коды вежливости. Количество в том или ином языке синонимов слов «любить», «ты», «счастье», «война», «враг», «долг», «природа» свидетельствует о ценностях, преобладающих у народа – носителя этого языка.

Также необходимо знать, что невозможно сделать революцию, не изменив старый язык и словарь. Поскольку именно они готовят или не готовят изменения сознания.

Эдмонд Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 4

52. Жак. 7 лет

На Рождество я получил свой космический аппарат. Я нашел его в коробке под елкой. Как я был рад! Я расцеловал родителей, и мы ели разные жирные вещи, чтобы «праздновать». Гусиную печень, устриц, копченую лососину с укропным соусом, индейку с каштанами, рождественский торт.

Не понимаю, что им так нравится в этих праздничных блюдах. Моя старшая сестра Сюзон говорит, что паштет из гусиной печени делают из гуся, которого насильно пичкают до тех пор, пока его печень не раздуется до огромных размеров, Матильда утверждает, что омаров бросают живьем в кипяток, а мама говорит, чтобы мы проверили, живые ли устрицы, капнув на них лимонным соком. Если они шевелятся, их можно есть.

После ужина мы рассказываем анекдоты. Папа рассказал один очень смешной.

– Одного человека сбил грузовик. Только он встал, его сбил мотоцикл. Он встал, и его сбила лошадь. Не успел он встать, как его сбил самолет. Тут кто-то как закричит: «Остановите карусель, человек ранен!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.